

ТОМ ВЕДН

ГОРОД ЗВЁЗД

“ЛЕГЕНДЫ РАСКОЛОТОГО МИРА”
КНИГА I

18+

Легенды Расколотого мира

Том Белл
Город Звёзд

«Автор»

2020

Белл Т.

Город Звёзд / Т. Белл — «Автор», 2020 — (Легенды Расколотого мира)

ISBN 978-5-532-93762-8

В давние времена семеро Богов создали новый дивный мир. Но затем грянул Великий раскол и Боги исчезли. С тех пор минула тысяча лет, и неведомые силы, руками богородных - наделённых магическими способностями людей, собираются развязать новую войну за судьбу этого мира. В стремительный водоворот событий оказываются втянуты едва овладевший луком охотник Ярослав и его бесстрашная подруга Мария. Какую роль им предстоит сыграть в грядущей буре, которая обещает накрыть мир волной безумия и насилия? Что они могут противопоставить перед лицом сил, что находятся выше их понимания? Ответ лежит за воротами Города Звезд...

ISBN 978-5-532-93762-8

© Белл Т., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Расколотый мир	5
Пролог	6
Часть I	11
Из огня...	12
...да в полымя	19
Среди врагов	24
Вечер разговоров	32
Мастер-лучник	40
Накануне битвы	49
Ночь крови и огня	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Город Звёзд

Расколотый мир

Пролог

Степи Вак'Хала

Поздняя осень 968 года со времен Великого Раскола

Низкие серые тучи заслонили унылым одеялом солнечный свет. Ветер гнул длинные стебли увядающих трав и кустарников, навевая шепчущей музыкой грусть и тоску. Осень медленно, но верно настигала последние зеленые островки на грязно-желтом полотне степей. Одинокие березы, как потерявшиеся путники среди бесконечной пустыни, утомленно качали ветвями и отправляли в последний путь желтые листочки. Ярик зябко поежился и поплотнее запахнул подпоясанный кафтан, отороченный засаленным мехом. У его ног лежал маленький самодельный лук и обмотанный кожей деревянный колчан. Оружие занесло былинками и пылью. Мальчик сидел возле березки на вершине старого муравейника для лучшего обзора. Припав на одно колено, он был готов быстро схватиться за оружие и броситься в густую траву.

Где-то там, среди этого бескрайнего травяного моря, что-то зашевелилось. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, невидимая угроза приближалась к укрытию Ярика. Шум сминаемой травы распугал затаившуюся живность. Недовольная пустельга вспорхнула с ветки березки. Ей пришлось прервать наблюдение за шепчущимися у корней мышами, и улететь вглубь степей.

Ярик пристально всматривался в сторону, где вот-вот должно было выскочить неведомое чудо, но рук к луку не тянул. Да и старый отцовский ножик, что был привязан к поясу, остался на месте. В этот момент шум стих и из травы показалась довольная собачья морда. Шерсть цвета степей была выпачкана в крови дрофы, зажатой в зубах зверя.

Пес подошел к смирно сидящему Ярику. Он положил тяжелую тушку птицы пред собой и, тихо поскуливая, уселся напротив мальчика. Тот хмурым взглядом оценил пса и его добычу и только потом улыбнулся:

– Ну что, Вьюнок, нашел-таки птичку.

Пес радостно замолотил хвостом, отвечая на хозяйские похвалу и поглаживания. Охотник вытер ему морду и достал из птичьей туши стрелу.

– Сгодится еще.

С серьезным лицом Ярик очистил снаряд и убрал его в колчан. Вьюнок не унимался, все скулил и ловил зубами воздух, явно гордый удачной охотой.

Путь до хутора лежал по звериным тропам. Мальчик прекрасно ориентировался в их хитросплетениях и постоянно подмечал новые лазейки, проложенные местным зверьем. Но чем ближе к холмам, тем реже становилась трава, да и высота ее совсем сходила на нет. Сюда, так близко к человеку, животные почти не заходили. Только отчаянные лисы порой пробирались к курятникам за заветной добычей.

По пути попадались пеньки от срубленных берез и ободранные от ветвей кустарники. Ближайший густой лес находился далеко, почти день пути, а ночи уже начинали приносить первые морозы. Грелись чем могли. Через пару недель должны вернуться мужики, которых староста отправил на заготовку леса. Нынче, в начале осени, вся деревенская поленница, вместе с рядом стоящей баней сгорели. И теперь, до возвращения дровосеков, с холодами нужно было справляться самим.

Хутор, где жил Ярик, был совсем крохотный – двух десятков домов не наберется. Рядом тек ручей с холодной и сладковатой водицей. Оттого и остались жить здесь. Люд был самый разномастный: с юга, востока, запада. Несколько семей занималась земледелием и запасами для всей деревни, остальные охотились или ходили на рыбалку до речушки на севере. Кто-то разводил кур да ухаживал за единственной на всю деревню лошадью. Жили здесь не шибко

образованные, но ценящие честный труд люди. А как иначе, когда твой дом находится на отшибе известного мира и за обочиной истории. Дальше на восток и юг простирались бескрайние степи. По лету там резвились племена кочевников-турлуков, а зимой выли леденящие ветра, надувавшие непроходимые сугробы.

Ярику шел пятнадцатый год. Отец мало-помалу научил его читать и писать, владеть луком и дубиной. И пускай они и жили вдвоем, никто из деревенских не мог назвать их отношения близкими. Мама у Ярика не было. Она умерла вскоре после его рождения. Мальчик даже не помнил ее.

Отец был кузнецом. Самым настоящим. Он точно пришел сюда из далеких краев. Ведь тут никто не научит плавить железо или делать подковы да гвозди. Но он неохотно делился своим прошлым. Ярик знал лишь, что отца, Трора, и маму, Настасью, уже очень-очень давно нашла в Темном лесу деревенская травница. Их подрал медведь, оставив страшные раны. Мама едва не умерла, а отец лишился нескольких пальцев на руке. Травница выходила родителей и привела в деревню. А те неожиданно остались тут жить. Так и прожили больше добрых тридцати лет. Мать, до того, как ее не стало, занималась хозяйством. Отец помогал местным, делал инструменты, иногда торговал с кочевниками.

А еще у него был меч. Тоже самый настоящий.

– Ну вот и пришли, песик, – облегченно вздохнул Ярик, когда показались крыши родной деревни.

Под конец осени приходилось каждый раз уходить все дальше от дома. Звери и птицы, гонимые холодными ветрами, покидали увядающие степи. Мальчик перекинул увесистую тушку птицы с одного плеча на другое и двинулся вперед, перешагивая непоседливого пса, который резво крутился вокруг хозяина.

«Наверняка предвкушает дрофиные потроха», – улыбнулся про себя Ярик.

Детишек в деревне было немного. Самому маленькому, Васильку, было пять. Его рождение справляли всем хутором. Хакиму же, самому старшему, шестнадцать или семнадцать лет, и он уже успел получить первое прозвище. Твердой головой он стал, когда оседлал испуганную козу и на полном ходу разломал лбом калитку одной из хат. Но главным другом Ярика была бойкая и своенравная Маня. Младше него всего на год, девочка уже стала неплохой хозяйкой и добытчицей. Ведь приходилось ухаживать как за хозяйством, так и за дряхлой бабушкой.

– Ярик! Явился-таки, песий друг, – прозвенел звонкий девичий голосок, распугавший ворон с крыши ближайшей избы.

Манька бежала по тропе навстречу Ярику. Ее каштановые косички смешно болтались и хлестали по лицу. Вьюнок радостно залаял и рванул навстречу, смешно перебирая лапами по грязи. Нагнав девчущку, он начал радостно кружиться, пританцовывая одному ему известные танцы. Манька хохотала от души, так сильно она любила этого непоседливого пса. Как и все остальные в деревне: других-то собак не было. Края длинной холщовой рубахи, что торчала из-под старого мехового тулупа девочки, вмиг покрылись следами от собачьих лап.

– Ну, показывай, показывай, чего раздобыл, – нетерпеливо запрыгала девочка, сжав кулачки.

Ярик поднял дрофу повыше:

– Гляди, какая красавица, Манька! Вся в тебя! Га-га-га, – мальчик потряс тушкой перед ее лицом.

– Дурак ты, Ярик! Не издевайся над птичкой, – надула губы девочка. – Надеюсь, она вкуснее, чем те суслики, которых ты наловил прошлый раз. Пойдем, отнесем бабушке, она ее ощиplt.

– Да-да, пошевеливайся, женщина, – шутивно насупился Ярик.

Справившись, ребята уселись на старой почерневшей лавке, близ дома Мани. Рядом расположились бабы, что перебирали жухлые грибы и выискивали те, что еще были съедобны.

Сезон заканчивался, и поиск еды сильно осложнялся. Мужики разносили хворост и дровишки по избам. Ванька-гончар, творивший из глины самые причудливые вещи, полезные и не очень, добавлял последние штрихи к своему новому творению: обычную соломенную крышу терема старосты он менял на обожженную черепицу. Теперь дом стал походить на огромного караса. Кто-то пыхтел под тяжестью корзин с репой, лебедой и чесноком. Доносился стук молота о наковальню: то был отец Ярика.

– Наверняка делает гвозди для дядюшки Хасана, – прочла мысли Ярика девочка. – Тот собрался строить избу, а Ванька сделает там печь, и будет у нас новая баня!

– Было бы здорово, – безрадостно ответил мальчик и грустно посмотрел на закат. – Старая баня сгорела, а мыться в корыте на улице уж больно зябко становится. Уж лучше вшей терпеть.

– Да-а, – болтала ножками Маня. – Лучше вши, чем холодная гузка!

– Вон старый Оглоб вообще не моется, даже когда банька была. Отец говорит, мол, у него вши с блохами скоро войну начнут друг с другом, за самые вкусные места, – грубым голосом передразнил отца Ярик.

Маня звонко засмеялась. Мальчик потерял лоб Выюнка, который развалился под ногами ребят. Пес завилял хвостом и подставил для ласки живот.

– Ты завтра снова на охоту, Ярик? Давай без сусликов только. Они, может, и милые, но на вкус крысы крысами.

Мальчик посмотрел на подругу и пожал плечами:

– Не знаю. Отец говорит мне, что делать и кого ловить на этот раз. Может быть, завтра будем заниматься, я ведь учусь всяким премудростям у него. Вон даже умею теперь писать на старо... – он прищурился, вспоминая слово, – на старородском!

– Ай, удивил, я на нем уже давным-давно научилась, – похвасталась Маня. – Бабуля у меня мудрая, хоть и ходит под себя. Зато много чего знает! И меня учит.

Они посидели какое-то время, рассуждая о новых выкрутасах Твердоголового Хакима и рассказах старика Оглоба, пока нос Маньки совсем не покраснел от холода.

– Ярослав! – разнесся над домами громкий бас.

– Ох, отец зовет. Пошли Выюнок. Увидимся завтра, Мань! – Ярик дернул на прощание девочку за косичку и побежал к дому.

– Дурак! – отозвалась та и показала вслед язык.

Маленькая кузница отца скрывалась под навесом. Обычно он всегда был там, что-нибудь выковывал. Но сейчас Ярик никого не нашел. Мальчика встретил лишь остывающий горн, из которого холодный вечер вытягивал последнее тепло. Шкафы с инструментами были закрыты. Выюнок без лишних напоминаний забрался в свою конуру под лестницей, и затаился в ожидании ужина.

Ярик поднялся по ступеням и зашел в избу. Отец сидел возле печи и подкидывал к прогоревшим углям свежих дров. Обстановка в доме была предельно проста: печь, стол, пара лавок возле него, нищая лавка, загроможденная ящиками и корзинами, и красный угол с маленьким идолом Бога Солнца Лема. Главным украшением комнаты выступал меч в кожаных ножнах, расположенный возле окна на стене. Его рукоять из черной кожи венчал эфес, украшенный узором серебристого цвета и большим красным камнем. Сальная свеча, что стояла на столе, отгоняла неровным светом вечернюю тьму.

– Как охота? – спросил отец, не повернув головы в сторону сына.

– Поймал дрофу, немногим меньше пуда весом, – понуро ответил мальчик.

– Сойдет. Хватит надолго, – он отряхнул руки от древесной пыли. – Куда попал?

Ярик стоял, опустив голову, не решаясь зайти в дом.

– Чуть ниже шеи, – ответил он и потер замерзшие ладошки.

Отец посмотрел на сына. От света огня из печи, в острых чертах лица и многочисленных морщинах залегли глубокие тени. Легкая седина на висках придавала ему вид мудрого, но грозного старца. Темным взглядом мужчина какое-то время сверлил сына.

– Вижу, ты делаешь успехи. Накорми пса. Соседка Ольга угостила нас горшком с чечевицей и кроликом, принеси все и накрой стол, – кивнул он в сторону печи и вышел из дома.

Ярик юркнул вслед за ним в сени, ополоснулся в бочке с водой и стянул с полка пару луковиц и баночку с толченым хреном, после набрал кувшин из другой, заполненной дикой вишней и водой бочки. Затем бросил псу останки вчерашнего ужина и поспешил снять с печи горшок с кашей. Только сейчас он осознал, что жутко голоден. Отец вернулся, держа в руках изрядно зачерствевшую лепешку. Свежий хлеб сейчас пекли редко, да и печи, пригодные для этого, были далеко не в каждом доме. Дрова шли только на обогрев.

Трапеза проходила молча. Ярик ел, уткнувшись в тарелку. Отец не отрывал орлиного взгляда от свечи. Он жевал долгими и мощными движениями челюсти. На скулах играли желваки. Отец всегда был таким. Хотя те, кто знал его дольше, говорили, что раньше Трора наполняли только доброе настроение и тяга к общению. На посиделках долгими летними вечерами или во время зимних обрядов, он был душой компании, постоянно рассказывал истории о чужих землях и много шутил. Но потом с матерью случилось что-то ужасное. Ярик и сам не знал что именно, но произошло это почти сразу после его рождения. Ее не стало. С тех пор отец зачерствел как лепешка, которую он сейчас жевал. Сердце превратилось в камень. И огонь свечи освещал в его глазах нечто хищническое, будто мужчину терзали доставляющие боль воспоминания.

Ярик не понимал, чем заслужил такое отношение. Он прилежно учился мудростям, которые отец преподавал ему. Из кожи вон лез, пытаясь заслужить его одобрение. А в ответ получал нечто сухое и отстраненное вроде: «Вижу, ты делаешь успехи». Да и разговаривали они только по вечерам. Примерно так же, как сегодня. Ярик искал утешения в дружбе с Манькой. Хотя часто он просто одиноко скитался по степям, искал животных и птиц. Единственной его компанией был непоседливый Вьюнок.

Ночь затопила улочки хутора. И даже луны не взошли над бежавшими облаками, чтобы осветить кромешную тьму. Холод крепчал, проникал в избы через соломенные крыши и слюдяные окна. И то был не сырой и промозглый осенний холод, но морозный и по-зимнему обжигающий. Куры молчали, прислушиваясь к порывам ветра. Вьюнок забился глубже под лестницу и свернулся калачиком, укрыв нос пушистым хвостом. Многие дома уже погасили огни и уснули.

Вот и Ярик собирался лечь спать, на печи, и уже облачился в длинную ночную рубаху. Лук с колчаном висели на стене подле дверей и ждали завтрашней вылазки в степи. Отец все так же сидел за столом и предавался в свете увядающей свечи горестным мыслям.

– Завтра ты отправишься на восток, глубже в степи, – раздался его голос. – Скоро в теплые места побегут сайгаки. Я хочу, чтобы ты добыл одного. Для тебя он будет тяжел, так что бери с него только самое нужное. Решешь сам.

– Хорошо, отец, – тихо отозвался мальчик и полез на печь.

– Охота на такое животное окажется настоящим испытанием, – продолжил мужчина. – Сайгак может дать сдачи. У взрослого самца рога достигаю локтя в длину. Помнишь, чему я тебя учил?

– Всегда используй окружение. Если тебе придется несладко, оглядись и подумай, что может помочь тебе выжить, – протараторил Ярик давно заученную поговорку.

Отец одобрительно кивнул, и мальчик отвернулся к стене. Сегодняшний день изрядно измотал его, отчего он быстро провалился в сон.

Ему снился Вьюнок, разъезжающий по степям верхом на испуганной козе, сайгаки, летящие над сугробами, а потом вдруг все померкло. И из ночной тьмы начал прорисовываться

далекий грандиозный город, о семи каменных башнях, что устремлялись высоко к облакам. Город стоял в заснеженных горах, на краю обрыва, который уходил до самого основания земли. Из пропасти медленно поднимался морозный туман. В бледно-голубом свете тысячи снежинок перемигивались друг с другом, подчеркивая древность и величественность окружения. Причудливые гладкие формы высоких зданий, гнавшихся вверх за каменными братьями, проливали из окон свет всех оттенков синего и белого.

Но самым необычным в этом городе чудес, были звезды. Мириадами огней они кружились над верхушками словно над городом разостлали ковер. Их холодное бледно-голубое сияние застилало темноту ночи, являясь единственным источником света на небе. Солнце здесь никогда не всходило.

Рядом с Яриком, верхом на огромном волке с густым бурым мехом восседала самая прекрасная девушка, которую только можно представить. Длинные темные волосы покрывали плечи и спину. Из-под непослушных локонов выглядывал маленький нос с горбинкой и шрамом. Сама она, приоткрыв рот, замороженно смотрела на звезды. По лицу Ярика текли слезы, будто он нашел то, что искал всю жизнь, и путь к этому был очень долг и труден. Но потом он проснулся...

Часть I

*«Дом остается домом, даже если стал пепелищем...»
Полина Прокопьева*

Из огня...

Запах гари щекотал ноздри. Какофония из дикого ора, жалобных стонов, топота копыт и лязга стали вырвали Ярика из сна. Он резко сел и впечатался лбом в низкий потолок над печью. Из глаз брызнули слезы и звезды, еще не выветрившиеся из ночных сновидений. Из окна струился яркий свет, будто само солнце зависло возле избы. Снаружи раздался громкий лай Вьюнка. Отца рядом не было.

Спрыгнув на пол, Ярик первым делом натянул портки и меховые сапожки. На бегу подхватил кафтан и снял со стены свои лук и колчан. Он выскочил из дома и едва не поскользнулся на темной луже. Прямо на лестнице лежала соседка Ольга. Вдоль спины протянулся страшного вида рубец. Рядом валялось несколько дротиков.

«Что происходит?», – лихорадочно метались мысли в голове.

Ярик поднял один из дротиков и выбежал во двор. Там он застиг Вьюнка. Ощетинившийся мех покраснел от многочисленных ран и порезов. Морда застыла в свирепом оскале. От пса доносился полный решительной угрозы рык. Зверь стоял над телом полууголого незнакомца. Из разорванного горла чужака медленно вытекала кровь.

Перед псом показушно размахивал топором еще один дикарь. По нагому мускулистому торсу, полностью покрытому причудливыми шрамами, ручейками сбегали капли пота. Лысый череп увенчивал пучок волос, собранных в косичку. На окрашенном в белые и красные цвета лице растянулась хищная улыбка. Мужчина смеялся и вопил от удовольствия, предвкушая расправу над раненым псом. Но появление Ярика привлекло его внимание. Выпученные глаза, полные жажды убийства, уставились на мальчика. Прокричав что-то на незнакомом языке, дикарь бросился к новой жертве, позабыв про недобитое животное.

Безумец быстро приближался. От страха Ярик замер. Найденный дротик выпал из оледеневших рук. Дикарь уже занес топор, когда воздух со свистом разрезало серебро меча. Рука дикаря, отхваченная до локтя, упала на землю, орошая все вокруг горячими фонтанами крови.

– Мальчик, очнись! – кто-то схватил Ярика за плечи и встряхнул.

Ярик заморгал, сердце снова забилося, выбравшись из самых укромных уголков. Только тогда он осознал, что перед ним лицо отца, а не выпученные глаза убийцы. Дикарь лежал, держась за окровавленную культю, и бранился на непонятной тарабарщине.

Отец вонзил меч в горло захватчику и потянул сына за рукав:

– Уходим отсюда.

В этот момент, как по волшебству, вспыхнула крыша их дома и озарила место битвы ярким светом. Синюшный огонь, словно жидкость, растекаясь по соломе и очень быстро добрался до края. Капая на землю, пламя оставляло шипящие лужицы.

– Что происходит? Кто это был? – испуганно спросил Ярик, закрывая голову от летящих с крыши пылающих былин.

– Живее, это еще не конец, – отрезал все вопросы отец и перебежками отправился к кузнице.

Вьюнок стоял там же, где и был. Он уже не рычал и не скулил. Его лапы дрожали. Каждый вздох давался все тяжелее. Потускневшим взглядом он проводил старшего хозяина, но не шелохнулся. От одного его вида по щекам Ярика покатались слезы. Ему захотелось подойти и утешить верного друга. Но отец схватил сына за ворот кафтана и потащил к кузнице.

– Послушай мальчик, если мы здесь останемся, то погибнем. Собери мысли в кулак, горевать будешь потом, – сказал он холодным стальным тоном. – Вокруг хутора нет никаких убежищ. Твой шанс – это укрыться в степной траве до утра, и после пробираться на север, к Темному лесу. Там должны быть наши мужики, которых староста отправил рубить лес.

– А ты? Где будешь ты? – Ярик посмотрел на отца красными от слез глазами.

– Я буду рядом. А сейчас, беги точно за мной. Если начнется бой, найди где спрятаться. Если потеряешь меня, спускайся с холмов к траве. Ты понял меня? – он поправил лук за спиной сына и проверил ножик на его поясе.

– Д-да, – кивнул мальчик.

– Хорошо. Лук можешь не доставать, твои стрелы без наконечников и бесполезны в этом бою. Бегом, не отставай!

Они покинули кузницу, которая уже занялась огнем. Отец побежал по неровной улочке к северной окраине хутора. Навстречу ему бросались разномастные дикари, вооруженные копьями и топорами, но натыкались на неожиданный от обычных деревенщин отпор.

Первого, который выкрикивал что-то на своем наречии, отец сразил точным уколом меча меж ребер. Копье второго он ловко отклонил, и пнул противника между ног, завершив все взмахом лезвия наотмашь. Третий швырнул дротик, который пролетел мимо отца и угодил в телегу, за которой притаился Ярик.

Отец махнул сыну рукой, и побежал дальше по улице, разрубив последнего дикаря от плеча до живота. Из горящей избы выбежала баба, охваченная пламенем. Истошно крича, она крутилась вокруг себя, пыталась сбить пламя, срывала одежду, но в конце концов рухнула посреди улицы. Воздух заполнился тошнотворным запахом горелой плоти и паленой шерсти.

«О всемогущий Лем, что стало с Манькой, где же она? – взмолился Ярик, вспомнив, что на другом конце деревни осталась его подруга. – Надеюсь, она в порядке!»

Из переулка выскочил Хаким, самый старший из детей в деревне. В руках он держал окровавленное копье одного из захватчиков. Лицо юноши превратилось в кровоточащий фарш.

– Ярик! Беги! – прокричал юноша, когда в плечо ему вонзился дротик, пробив его насквозь.

«Беги! Беги!»

В ужасе мальчик припустил по улице от укрытия к укрытию, от забора до бочки с водой. От бочки до горящего курятника. Затем бросок вдоль изгороди к отцу, который сражался на краю деревни со всадником.

Этот противник отличался от остальных. Чужеземец в кожаном ламеллярном доспехе, который закрывал тело до колен, восседал на резвом коне гнедой масти. Воин неистово орудовал саблей, что сверкала в свете пылающих домов. Он наносил удары быстро и яростно, не переставая крутиться вокруг противника. Каждый взмах сопровождался хриплым вскриком. Узкие глаза и короткий рот искривились в злобной гримасе. Отец уже начинал уставать, и защищаться становилось все тяжелее. Некоторые удары угрожающе пробивали защиту и оставляли после себя царапины на щеках и плечах Трора.

Ярик собрался с духом, снял с плеча лук и вложил маленькую стрелу. Отец был прав – против такого воина охотничьи деревяшки бесполезны. Дрожащими руками мальчик натянул тетиву и прицелился в глаза лошади. Он выдохнул и расслабил руку, отпустив стрелу. Ловкой нитью она пронзила дым и витавший в воздухе пепел. Спустя короткий миг снаряд настиг мягкие конские ноздри. Древко скрылось почти до самого оперения.

Скакун дико заржал, в ужасе вытаращил глаза и встал на дыбы, яростно перебирая в воздухе копытами. Всадник с криком вывалился из седла и был добит мощными ударами ног танцующего коня. Отец отпрянул от разбушевавшейся бестии и махнул сыну, чтобы тот поспешил к нему.

– Молодец, мальчик! Я же сказал, ты делаешь успехи! – он улыбался.

Ярик еще не видел отца таким довольным. Он даже выглядел по-другому, наполненным жизнью и энергией посреди этого праздника смерти. Как будто долгие годы тосковал по хаосу, и теперь упивался происходящим.

– Я целился в глаза.

Отец ухмыльнулся. Он кивнул сыну и отправился вдоль объятых пламенем дома к выходу из деревни. Но, не ступив и пары шагов, встал в боевую стойку и крепко сжал рукоять меча.

Навстречу им с истошными воплями, бежала Манька. Ее косички совсем растрепались и спутались. Старый тулупчик, накиннутый поверх ночной рубахи, был в грязи и следах от мужских сапог. Босая, она неслась сломя голову по раскисшей улице, не разбирая дороги. А за ней гналось трое дикарей, довольно улюлюкавших на харкающем наречии. Увидев воителя, что преградил им путь, противники остановились. Они переглянулись и разошлись по кругу, чтобы атаковать с разных сторон.

Ярик поймал девочку в объятия и оттащил за лестницу горящего дома. Отец же поднял меч повыше и медленно пошел в сторону, стараясь отрезать противникам доступ к детям и лишить преимущества.

Ближайший из дикарей был вооружен двумя кривыми мечами. Вскинув оружие, он с неистовым воплем в прыжке налетел на отца. Тот пошатнулся, но отразил удар, заблокировав оба лезвия своим мечом. Он оттолкнул чужака пинком в грудь и повалил наземь. В этот момент второй захватчик ткнул копьём сбоку. Сумев извернуться и уйдя с линии удара прыжком в сторону, отец завершил финт размашистой атакой по телу противника.

В лицо брызнула кровь. Трор на мгновение ослеп и принялся очищать глаза. Этого оказалось достаточно третьему дикарю, что прокрался за спину. Он метнул маленький топорик и поразил защитника в ногу выше колена.

Отец зарычал и хотел броситься в атаку, но его остановил первый дикарь. Он поднял сабли и прыгнул на Трора. В этот раз раненый отец, лишенный ловкости и твердой стойки, не стал защищаться. Он ринулся навстречу нападавшему с выставленным вперед мечом. Прыгун насадился на клинок грудью, продолжая яростно плевать и изрекать проклятья. Бросив мечи, он схватил отца за голову и попытался выдавить ему глаза.

Ярик решил помочь родителю, увязшему в борьбе с дикарем. Выхватив из-за пояса ножичек, он подбежал к врагу сзади и вонзил короткое лезвие ему между лопаток, докуда сумел достать. Пользуясь заминкой противника, отец освободился от хватки. Вынув из его груди меч, он снес быстрым ударом дикарскую голову с плеч.

Позади раздался металлический скрежет. Трор обернулся и увидел, что последний противник лежит на земле. Из спины торчало копьё, которое здоровой рукой пытался достать Хаким. Юноша появился незаметно для всех и спас отца от неминуемой смертельной атаки.

Юноша молча улыбнулся разбитыми губами и упал на колени, истратив последние силы. Рана на плече обильно кровоточила.

– Хаким, ты сможешь идти? – опустил на колени подле воина отец и осмотрел его руку.

Тот отрицательно качнул головой и попытался встать, отчего завалился на больной бок. Мужчина подхватил его и помог сесть возле калитки горящей хаты. Ярик дрожащими руками вытащил ножик из спины дикаря и вытер о его портки. Ему до сих пор не верилось, что все это происходит. Руки не слушались, будто заledenели на морозе. В ушах звенело.

– Мы не сможем помочь ему, – прошептал отец. – Нужно бежать дальше. Как Маша?

– Она...ей жутко страшно, – процедил Ярик.

– Тебе тоже страшно, но ты должен быть сильным, мы почти выбрались.

Он оставил увядающего Хакима и подошел к девочке. Та сжалась в комочек и тихо рыдала, спрятав лицо между коленями и обхватив их руками.

– Маша, – приобняв ее, мягко сказал отец. – Машенька, нужно идти.

Девочка подняла зареванное личико:

– Они...они...зарубили бабушку!

Дикий женский крик с другой стороны деревни пронзил воздух. Маня вновь зарылась в коленки и задрожала.

Не опуская меча, отец поднял ее и прижал к груди:

– Пойдем, Ярослав, скорее.

Сын кивнул и поспешил следом. Вскоре беглецы выбрались из деревни и начали спускаться с холма. По пути им встретились искалеченные тела местных мужиков. Жители хутора тоже пытались спастись. Но дикари не оставили шансов никому. Поперек лавки на краю хутора лицом вниз лежала баба с задранной на голову ночной рубахой. Захватчикам было мало лишить ее жизни. Честь они тоже взяли с собой и разделили поровну. Мальчик бежал, стараясь не смотреть на эти ужасы. Скоро начнутся знакомые звериные тропы. Спасительные лазейки, которых не знают враги. А высокая трава надежно укроет их всех от чужого взора. Он покажет отцу путь на север, который нашел сам, и спасет всех. Ярик припустил еще быстрее, едва не обгоняя отца.

Чем дальше от деревни они отдалялись, тем холоднее становилось. Жар от огня затих, из рта вылетал пар. Удушливый запах гари тоже пропал, уступив место пронизывающим ветрам. Солнце еще не взошло, хотя где-то на востоке небо начинало приобретать яркие оттенки. Ни одна из лун так и не появилась этой ночью. Даже звезды казались какими-то померкшими. А может, это слезы застилали взор.

Ярику вспомнился его сон про город, окутанный снегом и звездным светом. Мысли о нем помогли успокоиться и сосредоточиться на спасении. Представлять скрывающиеся за его стенами чудеса было приятнее, чем вспоминать кошмар, обрушившийся на деревню.

Скоро хутор скрылся за вершиной холма. Лишь догорающее зарево пробивалось к небу и освещало окружающие степи. Впереди виднелось спасительное травяное море. Бежать оставалось совсем немного. Но шаг отца неумолимо замедлялся. Из раненой ноги обильно сочилась кровь, оставляя на земле неприятного вида тропинку. Вскоре он уже не мог бежать и опустил Машу.

– Ярослав. Послушай меня, – отец остановился, чтобы отдышаться. – Что бы ни случилось, ты должен сделать, как я скажу.

Мальчик вздрогнул и торопливо кивнул.

– Хорошо. Мне нужно многое рассказать, но времени нет, – продолжил отец. – Я не знаю кто это такие. Мои враги давно мертвы либо потеряли меня. Ведь я надолго затерялся в этих степях. Послушай, ты должен выбраться, даже если придется бросить меня. Многие вещи ты сейчас не поймешь. Если мы разделимся, то ты должен самостоятельно добраться до стоянки лесорубов. Вот возьми.

Мужчина передал ему маленький идол бога Лема.

Ярик повертел фигурку из черного камня в руках, ту самую, что стояла все эти годы у них дома, и спрятал в кармашек кафтана.

– Сохрани ее для меня, хорошо? Это важно! – отец обхватил сына за плечи и взгляделся ему в глаза.

Ярик снова кивнул и увидел в его глазах отражение огня. Мальчик восторженно и изумленно посмотрел по сторонам. Жаркое, неестественное пламя, полукругом растеклось вокруг беглецов и отрезало пути к отступлению. Яркий свет озарил округу. Маня в испуге прильнула спиной к мальчику и наблюдала, как приближаются чужеземцы. Десятки дикарей спускались с холма. Они медленным шагом вошли в огненный полукруг, и выстроились, словно почетный караул, приложив оружие к груди. Позади них показался искалеченный всадник, скакуна которого поразил стрелой Ярик. Его расквашенное лицо искривилось, выражая отвращение.

Отец вскочил на ноги и поморщился от боли. Он закрыл собой детей от взора дикарей и отступил ближе к огню, туда, где начиналась спасительная степь. Меч вновь поднялся вверх. Защитник был готов к бою.

В круг вступил исполин, намного крупнее тех, что пали сегодня от этого клинка. Мышцы бугрились под ярко-коричневой кожей и перекачивались при каждом его шаге. Голова гладко

выбрита, от затылка до подбородка, через глаза без бровей, протянулись две красные линии. Сами глаза полыхали ярким огнем, языки которого поднимались выше лба. В носу было продето золотое кольцо с насечками. Поверх голого торса, испещренного ритуальными шрамами в виде резких узоров, был надет плащ цвета безлунной ночи. На набедренной повязке из меха хищно взирал золотой череп с начертанными иероглифами. На ноги великан водрузил внушительные меховые унты до колена, размером больше Ярика, увенчанные золотыми фигурами.

Он встал в нескольких шагах от Трора и оценил жертв огненным взглядом. Хмыкнув, гигант заговорил на ломаном старородском языке.

– Ты храбро сражался воитель, – от его рычащего голоса, свет огненного кольца как будто померк. – Но храбрость не спасет тебя.

– Кто вы такие? – холодно спросил отец.

– Мы ест' Воинство Пекла, – дикарь развел руки в стороны, и на каждой из ладоней вспыхнули сгустки жидкого пламени. – Мы – Орда. Вы – не первые жертвы моего огня, и не станете последними. У тебя есть то, что мое по праву. Идол Лема!

– Понятия не имею, о чем ты! Зачем вы напали на нас? Зачем тебе сдался этот идол? – тянул время отец, пытаясь придумать план спасения.

– Как смееш' ты, клоп, вопрошат' у меня! – гигант протянул руку и сжал кулак. Жидкий огонь потек сквозь пальцы на землю, топя ее словно лед, – Отвечай, и я оставлю жизнь твоим щенкам. Или сгорите вместе!

Вместо ответа отец повернулся к детям и с криком перебросил их через огненное кольцо, чуть не угодив в него сам. Великан издал свирепый рык. Из вытянутой руки выплеснулись языки огня. Они протянулись через всю поляну к Ярику и Мане. Змеями обвилились вокруг детских лодыжек, подняли ребят над землей и потянули обратно в круг. Одежда истлела в мгновение ока, кожа начала покрываться пузырями.

– Глупец, – прорычал исполин. – Верни идол, или я сожгу твоё жалкое отребье.

Отец издал дикий крик. В один миг он подобрался к свирепому дикарю и, вложив все силы, нанес последний удар. Меч яростно вгрызся в мускулистую руку и со звоном врубился в кость. Огненные змеи пропали, оставив после себя струи дыма. Ярик и Маня упали друг на друга в паре шагов от огненного кольца.

– Бегите, сынок! – прокричал отец.

Великан взревел. Он обрушил кулак на мужчину, вбил в землю и изрыгнул на него потоки огня. Переломанная фигура отца растаяла, словно снежный ком на солнце. Меч так и остался воткнутым в руку убийцы.

Ярик оторопел. Сердце сжалось и на миг прекратило биться. Волосы зашевелились на затылке и казалось, что весь мир прекратил существовать. Остались только огненный великан и останки отца.

«Беги! Беги!»

Словно во сне Ярик поднял Маню на ноги, взял ее за руку и потащил в степи. Обожженная нога ныла и пылала, словно туда еще и нож воткнули. Каждый шаг отдавался по всему телу волнами тошнотворной боли. Мальчик гнал мысли о ней прочь, думая лишь о спасении.

Исполин скомкал и обыскал останки отца. Он зарычал и ткнул огромным пальцем вслед убегающим детям:

– Привести живыми!

Чужеземцы с криком бросились за ребятами, без труда пройдя сквозь огненное кольцо. Мальчик чувствовал жар их дыхания. Лязг стальных членов брони, казалось, гремел прямо в ушах. Но страх подстегивал бежать все дальше и дальше от места расправы. Маня пришла в себя, крепко сжала его друга и ускорила темп.

Ярик знал эти места. Где-то здесь будет небольшой овраг, русло старого ручья с каменистым берегом. Если свалиться туда на бегу, в такой крошечной тьме, точно можно переломать себе ноги. Мальчик надеялся, что это поможет задержать преследователей.

Травы постепенно устремились ввысь и укрыли беглецов. Крики захватчиков слегка отдалились и разделились, словно те бросились врассыпную обыскивать каждый уголок. Но Ярик не рискнул оглянуться – это могло затормозить беглецов и лишить их последней ниточки к спасению.

Вскоре показалась знакомая каменистая полянка.

– Приготовься, Маня! – прокричал запыхавшийся Ярик. – Когда скажу, прыгай изо всех сил вперед!

Маня не ответила, лишь сжала руку сильнее. В этот момент из травы на детей набросился один из дикарей. В кувырке он встал на ноги, схватил ребят за шиворот и поднял над землей. Хриплый отвратительный смех вырвался из-под белой деревянной маски, надетой на его лицо. Черные длинные волосы ниже плеч, обрамляли ее, отчего пленитель был похож на призрака. Серая, почти пепельная кожа рук лишь усиливала этот эффект. Грудь до самого живота пересекала черная татуировка в виде полосы.

Остальные преследователи уже почти нагнали их, топот сапог раздавался совсем близко. Маня вопила во все горло. Извернувшись неведомым образом, она пнула ногой прямо в маску дикарю. Послышался тихий хруст. Чужеземец крикнул что-то остальным преследователям. Его голос походил на скрежет трущихся друг о друга камней.

Дикари ликующе взревели и побежали на зов. Пока серокожий посмеивался, разглядывая Маню, из травы выскочил Вьюнок. Бесстрашный пес отчаянно зарычал и вцепился мертвой хваткой в руку врага. От неожиданности тот выпустил Ярика из хватки. Мальчик рухнул на землю и больно ударился головой о камень. Он мгновенно вскочил на ноги и пошатнулся от головокружения. По затылку потекла теплая струйка крови.

Дикарь бросил Маню в руки одному из подоспевших воинов, достал из ножен на поясе длинный нож из черного металла, и всадил его по самую рукоять в шею отважному псу. Вьюнок жалобно пропищал и затих подле ног убийцы, отдав жизнь за маленького хозяина.

– Ярик, нет! – пыталась вырваться девочка. – Пустите меня!

Она укусила державшего ее чужеземца за руку, на что тот успокоил ее могучим ударом в лицо. Девочка обмякла и замолчала.

Ярик хотел закричать, но смог лишь захрипеть. Желудок сделал сальто и рухнул в низ живота. Мальчик понял, что выбора нет. Воспользовавшись ликованием дикарей, он бросился в сторону ручья.

Камыш на берегу скрыл от преследователей его прыжок через пересохшее русло. Судя по крикам, многие из них угодили в ловушку на дне. Началась неразбериха. Вражеская брань осталась позади. Вскоре Ярик заметил знакомые неприметные звериные тропы. По ним парнишка мог бежать, не боясь, что сминаемая трава выдаст его присутствие.

«Надеюсь, этот в маске сломал себе обе ноги».

Силы его были на исходе. Кровь из раны на голове не унималась. Слезы катились из глаз, оставляя дорожки на грязных щеках. Но страх снова заставлял бежать, не позволяя сбавлять темп. Мальчик знал, что этой тропой он сможет пробежать не больше пары верст, и прикидывал, куда свернуть дальше, чтобы выйти к лесу. Если не выходить на дорогу дровосеков, путь туда займет почти весь день. Нынче по весне мужики брали Ярика с собой до леса. Старик Оглоб показывал ему разные травы, растущие здесь, и для чего они могут ему пригодиться. А еще в своих вылазках по этим местам вместе с Вьюнком, Ярик как-то наткнулся на растущие вместе три березки, под корнями которых приютилась небольшая пещерка.

«Вьюнок, Манька...папа... – комок слез вновь подступил к горлу. Ярик не верил, что все происходит на самом деле. – Я должен найти это укрытие, во что бы то ни стало».

Мальчик свернул в нужном месте, углубился в степи и вскоре отыскал те самые березки. Он аккуратно вышел из травы, не оставляя следов, и забрался в маленькую пещерку. Вход он заслонил упавшими ветвями, полными пожелтевших листьев.

Внутри укрытия Ярик повалился на влажный грунт, и забылся тревожным сном. Город, окутанный звездами, уступил место огню и кричащей девочке.

...да в полымя

Спал он недолго. Сон принес спутанные огненные образы и крики. Плачущие Выюнок и Маня утопали в море жидкого пламени. Мальчик бросился их спасать и погрузился в огненные воды. Кожа плавилась и покрывалась пузырями, острая боль сковывала руки и ноги. Беззвучные крики уносились в никуда, надежды на спасение не было. Мир утонул в ярком полыхающем свете. Где-то над ним раздавался хриплый тошнотворный смех дикаря в маске. Надежды нет.

Запах гари вновь выхватил Ярика из тревожного забытья. До убежища доносился треск горящей травы. Его лихорадило. Все тело болело, а лоб был горяч как сталь на жарком июльском солнце. Место ожога покрылось коркой и глухо стонало. Боль прокатывалась до самого колена. Мальчик неловко поднялся, поправил лук и колчан, съехавшие за спиной во время сна и осторожно раздвинул ветки у входа в пещерку.

Светало, но солнца не было видно. И не из-за серых нависших облаков: черная пелена дыма затянула небо. Травяное море полыхало диким пламенем, уносившим ввысь горящие былинки. Их пепел хлопьями оседал на землю, словно первый снег. Пламя подбиралось со всех сторон. Пожар шел со стороны деревни. Ярик закашлялся от удушающего смрада. Свежий воздух отступил, проиграв борьбу со стихией.

«Это еще не конец».

Его не смогли найти, так решили выгнать на открытое место. Погоня продолжается. Коротким отдыхом он дал врагу время для поисков.

«Нужно выбирать!»

Вновь подступила паника. Мальчик уселся возле выхода и принялся лихорадочно вспоминать возможные пути, которые помогут оторваться от огненных преследователей.

«Так, для начала успокойся, – Ярик несколько раз глубоко вздохнул. – Скоро, ближе к лесу, начнется болото. Дальше них, в эту сторону я еще не ходил. Там много трясин. В прошлый раз одна из них чуть не сцапала меня. И тогда со мной был Выюнок. Но теперь опознать такую ловушку я смогу с легкостью».

Звуки огня становились все ближе.

«Дорога явно занята ими, бежать дальше на восток смысла нет. Остаются только болота, – Ярик взял себя в руки и решительно выглянул из укрытия. – Травы там маловато, зато много камыша. Это поможет».

– Ну, вперед, – мальчик отодвинул ветки и выскочил прочь из пристанища в сторону ближайшей звериной тропы.

Никто, кроме него, не бывал здесь. Никто, кроме него, не знает этих троп.

«Этим я сильнее них, – бежал мальчик сквозь заросли, ловко перепрыгивая редкие камни и ямы. – У них огонь, а у меня болото!»

Тропа виляла. Местные вепри не сильно заботились об удобстве беглеца, когда протаптывали дорожки в этих непроходимых местах.

Бегство давалось Ярику с трудом, но он надеялся добраться хотя бы до болота. В боку жутко кололо. Раскаленная голова начала кружиться, вызывая приступы тошноты. Воздуха не хватало, отчего приходилось буквально ловить его ртом, каждый раз стараясь захватить его все больше и больше. Соленый пот заливал лицо. Оставленные им дорожки приятно охладили горячий лоб.

Ярик остановился на минуту перевести дух и прислушался. Пожар остался позади. Над степями шумел ветер. Шелестела трава. Доносились далекие крики встревоженных птиц.

«Может я оторвался? Наверняка они на дороге. Ждут меня».

Ярик продолжил движение, немного отклонившись к востоку. До спасительных, если их можно так назвать, трясин, оставалось меньше часа бега. Полуденное солнце прорвалось сквозь угрюмые облака. Его света с трудом хватало, чтобы осветить темноту тропинок, скрывавшихся под сенью увядающих трав. Ярик спешил вперед и выбирал путь скорее по наитию, чем высматривая какие-то знакомые ориентиры.

Ноги вскоре начали заплетаться, лихорадка давала о себе знать. Пару раз он спотыкался и плюхался сначала в твердую и сухую, а потом в раскисшую влажную землю.

«Значит, болото совсем рядом, – выбираясь из лужи, думал мальчик. – У меня почти получилось».

На его памяти трава должна была уже постепенно снижаться и смениться камышом. Границу болот охраняли жиденькие осинки, чуть дальше начинались топи. Но сейчас вышло иначе. Видимо, он выбежал к цели с другой стороны. Ярик не заметил резкого окончания травяного леса. На полном ходу он вылетел с верхушки небольшого обрыва напрямик в густую зловонную жижу.

Под руками почувствовался старый мох и мерзкий на ощупь ил. В ноздри ударил запах застоявшейся прокисшей воды. Он попытался встать и ощутил, как дно медленно, но верно уходит из-под ног. Сапоги основательно увязли в противной каше. Ни сил, ни возможности ступить и шага не было.

«Думай, парень, думай, – отчаянно озирался по сторонам Ярик в поисках спасения. – В тот раз я не был так глубоко в трясине и смог выкарабкаться с помощью Вьюнка. Что же делать?»

Цепкие лапы страха и паники снова потянулись к незащитному мальчишке. Обувка почти полностью погрузилась в непроглядную пучину. Снедаемый дрожью, Ярик тяжело и часто задыхался.

Вдруг его осенило:

– Дядюшка Оглоб! Старый ты хрыч!

Не спеша, и не без труда, он вытащил ноги из сапог. Ощувив босыми ногами склизкое болотное дно, мальчик поморщился.

«Фу, противная гадость».

Что-то сразу впилось в нагую кожу стоп, от чего с ног до головы прокатилась волна тошноты и боли. Но обращать на это внимания времени не было. Ярик нашел глазами ближайший сухой участок почвы.

Вспоминая однажды молодость, старик Оглоб рассказывал, как оказался в трясине. Он лег на дно, подложил под себя твердую заплетную котомку и аккуратно выполз по ней к берегу. Так Ярик и поступил. Подложить под себя было особо нечего, поэтому пришлось пожертвовать луком и колчаном.

Не торопясь, время от времени перекладывая оружие из-под себя вперед, он пополз до берега. Старик оказался прав, засасывать трясина стала меньше, хотя погружение окончательно не прекратилось. Пару раз из-за резких движений, Ярик ощущал, как локти погружаются в моховую кашу. Но потом он приспособился и стал более аккуратен, придав своим движениям нужную нерасторопную уверенность.

Казалось, прошел целый день, пока он полз к берегу, поросшему редким кустарником. Добравшись, паренек схватился за ветки и начал вытягивать себя из плена трясины. Последние желтые листья посыпались на голову, облепляя ее со всех сторон. Мокрые руки предательски соскользнули, отчего лук с колчаном окончательно утонули под тяжестью тела. Собрав последние силы, Ярик подпрыгнул и снова ухватился за ветви. Пыхча от натуги, он вырвал себя из мерзких болотных объятий. Выбравшись на твердую землю, он перевернулся на спину и еще долго лежал, пытаясь отдышаться.

Сознание улетело куда-то за горизонт, в поисках островка покоя и надежности. Ему грезились величественные города, которых он никогда не видел, мачты огромных кораблей, о существовании которых и не подозревал, уходящие ввысь на безумную высоту горы, о которых даже слыхивал. Перед глазами появились длинные столы с белоснежными скатертями, ломившиеся от всевозможных диковинных яств. Вот тебе куриные ножки с шалфеем, пороссячий бок с хрустящей корочкой, супы, соленья, какие-то неизвестные зверьки и птицы, залитые соусами, горячий ароматный хлеб. А вот вам квас, морс, пиво, угощайтесь, юный господин!

Живот заворчал подобно скулящему псу. Да так громко, что Ярик проснулся. Потратив пару минут на осознание того, что между ним и забитыми едой столами находится целый мир, он горько уронил голову на землю. У мальчика не осталось сил подняться, он просто смотрел в серое небо. То клубилось беспросветными облаками, но можно было угадать, что солнце стремилось к закату.

Острая боль вновь поразила ступни. Подскочив, Ярик обнаружил на ногах десятки пиявок. Мелкие и противные паразиты жадно сосали кровь в самых мягких местах, и даже умудрились забраться выше, под штанину.

Сняв портки, он наломал веточек и принялся отрывать кровососов. Это заняло изрядно времени. Ноги были облеплены ими почти до тех мест, которые народу не показывают. Места укусов болели. Оставалось надеяться, что в ранках не осталось их острых зубов. Однако паразиты сделали свое дело. Ярику стало лучше, жар спал, тошнота и головокружение пропали. Но слабость и усталость от пережитого безумия вновь напомнили о себе. Вторила им и стонущая обожженная нога.

Парнишка оделся и оценил местность. Он находился на клочке твердой земли. Отсюда тропа петляла тонкой струйкой между зыбкими топями, в сторону севера. Никто не знал протяженности болот, но обратного пути не оставалось. Лук и стрелы безвозвратно пропали на дне проклятой трясины. Одежда смердела. Но он все еще был жив.

«Нужно двигаться дальше».

Дым от горящих степей виднелся далеко позади. Есть шанс, что убийцы остались где-то там. По расчетам Ярика, он довольно сильно отклонился к северу, и нужно было найти путь до леса. Оставалось поскорее выбраться отсюда и к ночи он достигнет Темного леса.

Мальчик отвернулся от пожара и отправился вглубь болот. С одиноко стоящей осинки он сорвал ветвь попрочнее. Используя ее в качестве посоха, Ярик уверенно преодолел топи за пару часов, лишь в некоторых местах тщательно прошупывал зыбкую почву. По пути он изловил парочку тощих лягушек и съел их прямо на ходу. Они противно скользили по зубам и языку, дрыгая лапками.

Вскоре зловонная падь осталась позади. Местность была открытая, но стало попадаться все больше кустарников и деревьев. Равнина перемежалась с невысокими холмами, подъем на которые отнимал последние силы. Темная полоса леса становилась все выше. Над головой пролетали утки, покидавшие эти края до наступления весны.

Ярику не впервой приходилось путешествовать вот так, вдали от людей, деревни, знакомых лиц. Но ему всегда было куда вернуться. Суровый отец, несмотря на свою немногословность, всегда встречал его ужином и протопленной печью. С охоты его привычно поджидала маленькая Манька: она весело сбегала по склону, выдавая на ходу какие-нибудь девичьи прибаутки. Но теперь всего этого нет.

Особенно остро ощущалось отсутствие его главного друга – верного пса Вьюнка, который больше не семенил рядом, неуклюже проридаясь сквозь заросли.

«Я был еще ребенком, всего-то лет десяти, а ты уже был рядом. Всегда со мной, охотился, как и я, изучал мир. И всегда возвращался».

Горькие жгучие слезы катились по щекам парнишки. Наверное, только сейчас он понял, что привычный для него мир рухнул. А впереди была неизвестность.

Оказавшись под сенью леса, Ярик немного успокоился. Но расслабляться было рано. Лес обозвали Темным неспроста. Солнечный свет едва пробивался сквозь могучий древесный полог. Загадочный полумрак и прохлада царили у подножья вековых древ. Были тут внушительного вида березы, которым и в подметки не годились их дохленькие степные сестры. И совсем редкие, но ни в чем не уступающие им осины. Но больше всего было сосен. Чем глубже заходил путник в лес, тем выше и величественнее становились их стволы. Настоящие гиганты! В лесу было теплее, чем в степях, холодный ветер почти не проникал сюда. Зябкая влажность витала клубами над мхами и папоротником, неприятно остужая босые ноги. Еще и вездесущие шишки норовили впитаться в голые пятки.

Отец рассказывал, что лес тянулся отсюда и на много-много верст к западу и северу. Он стоял на границе многих государств и был домом для бесчисленного количества животных. Кто такие государства, да и вообще о мироустройстве, мальчик знал немного. Однако поохотиться на местную дичь мечтал всегда. Даже несмотря на диковинные сказки и байки, что ходили вокруг этого леса. Жаль, что лес находился так далеко от дома.

Палку с болот Ярик давно выбросил, и оружия, кроме ножа, у него не осталось. Он нашел подходящую корягу и слегка ее обточил, смастерив дубинку. Она была небольшая, однако получить такой по голове было бы весьма неприятно. Но проверять ее свойства не особо хотелось.

С опустившейся ночью пришли холода. Все вокруг утопало в почти осязаемой черноте. До наступления тьмы Ярик успел нарвать немного сморщенных ягод, которые показались ему самой вкусной едой на свете. Но облегчения это не принесло. Ноги жутко замерзли, он почти не чувствовал пальцев. Даже пылавший острой болью ожог не мог их согреть.

Ярик имел представление, в какой стороне находится полянка лесорубов. Дорога из деревни вела прямо к ней, подходя к лесу с южной стороны. Значит, и идти нужно в этом направлении. На ощупь, полагаясь лишь на слух и запахи, он медленно побрел в кромешной тьме.

Самыми опасными в ночном лесу оказались балки и овраги, в один из которых он чуть не угодил. Такие приходилось обходить по кругу едва ли не на четвереньках. В остальном мальчику помогала дубинка, которая не раз спасала от встречи с деревьями. Так прошел час или два. Ярик ежился от морозной дымки, витавшей над землей. Зубы стучали от холода. Его старые, потертые меховые сапоги пришлись бы сейчас очень кстати. Голова опять разболелась. Лоб становился все горячее и горячее. Вновь подступала тошнота. Силы стремительно покидали мальчика.

Вскоре обстановка начала меняться. Сначала послышался запах свежеспиленных берез. Вместо деревьев попадались пеньки и лежащие на земле бревна. Все вокруг было усеяно стружкой, сосновыми иголками и листьями. Определенно работа дровосека. Ярик был совсем рядом.

Впереди показалась опушка, обрамленная березами, которые в темноте казались угрюмыми древними стражами. Повсюду маячили огни факелов и доносились громкие голоса.

«Я добрался! Это наши!» – радостно припустил в их сторону мальчик.

Света стало достаточно, чтобы Ярик увидел развернувшуюся на поляне бойню. Огней было так много неспроста. То были войны из Воинства Пекла. Они гонялись меж палаток за убегающими дровосеками, резали их, кромсали, дико гоготали и упивались хаосом и страданиями.

Мужики, явно застигнутые врасплох, не имели ни малейшего шанса дать отпор немногочисленному отряду чужеземцев. Один из деревенских, покрупнее остальных, на бегу подхватил лежавший у костра топор. Он резко обернулся и всадил его почти по самый обух одному из преследователей, раздробив тому грудную клетку.

Из-за спины убитого, шипя проклятья, выскочил второй дикарь. Он вонзил кривой меч здоровяку в живот и вспорол, будто поросенка. На землю посыпались окровавленные внутренности. Удивленное выражение навеки застыло на лице лесоруба.

Резня закончилась так же быстро, как и началась. Убийцы не стали ворошить вещи жертв, не забрали ценности или еду. Они сложили всех недобитых, жалобно стонущих от боли мужиков в одну кучу и стали расправляться над ними самыми зверскими способами. Одним отрезали конечности, уши. С других стащили штаны, топорами отрубили им члены, которые потом, под радостные крики, швыряли в огонь.

С павшим товарищем они поступили по-другому. Вперед выступил один из дикарей, у которого на голове красовался шлем, увенчанный острым клином с насаженной на него высохшей детской головой. Он снял с пояса флягу и полил какой-то жидкостью труп убитого. Затем двое взяли мертвеца за руки и ноги и бросили в костер дровосеков, отчего тот в мгновение ока занялся синюшным пламенем. Все это время они громко, чуть ли не остервенело, переговаривались на своем наречии и размахивали оружием и факелами. Ярик наблюдал все это из-за толстого березового ствола. В надежде остаться незамеченным, он медленно пополз во тьму леса.

Но не вышло. Маленькая сухая веточка предательски хрустнула под самой пяткой.

Убийцы мгновенно обернулись в его сторону.

– *Akh'mael gham, Gha'mir!* – жестом указал одному из дикарей воин в шлеме. – *Khamal'!*

Тот сорвался с места, с топорами на изготовку. Он бежал быстро, перепрыгивая пеньки, стволы, трупы. Бежал к Ярику. Мальчик забыл про усталость и бросился прочь, чудом избегая встречных деревьев.

– *Khamal'! Khamal'!* – закричал воин.

Пятеро дикарей кинулись в погоню за мальчонкой, страшно гогоча и смеясь. Их вопли разносились по ночному лесу. Сердце бешено колотилось. Силы покинули Ярика еще после болот. Вперед его толкал только страх. Безумная гонка, начавшаяся еще прошлой ночью, разгорелась с новой силой. Свет догонявших факелов помогал разбирать дорогу. Мальчик мчался что есть мочи, понимая, что скоростью ему не победить. Нужно использовать свой маленький рост.

Погоня продолжалась бесконечно долго, пока на пути не возникли густые заросли шиповника. Ярик, не раздумывая, нырнул сквозь колючие ветки, исцарапав себе лицо в кровь. За кустами начался резкий спуск в овраг. Паренек неслся вниз, не представляя, что ждет его на дне. Он споткнулся о корень и пролетел несколько метров. Болезненное приземление чуть не выбило из него дух.

Кое-как встав на ноги, прихрамывая, он побежал дальше. Овраг увлекал его все ниже и ниже, влажная почва сменилась камнем. Он уже не слышал голосов преследователей, не знал, гонится ли за ним кто-нибудь. Свет факелов давно погас, уступив место непроглядной тьме. Ярик просто бежал сквозь ночь, пытаясь обогнать свой страх.

К горлу подступил комок. Слезы едва удавалось сдерживать. Ярик не знал, сколько еще протянет. Казалось, легче сдаться врагу и прекратить эти мучения. Он жутко устал.

В этот момент земля ушла из-под ног, отправив его в долгое падение навстречу спасительной тьме.

Среди врагов

Тьма.

Она окутывала и обволакивала. Словно кокон паутины. Связывала по рукам и ногам. Лишала воли и сознания. Нельзя было почувствовать, где ты. Что с тобой. Есть ли в тебе еще жизнь. Потом пришла боль. Сначала острая и стремительная, подобно тысяче игл, вонзившихся в юное тело. Потом тупая и протяжная, будто под действием дурмана.

Перед глазами замелькали мутные образы. Они прорывались в утомленное сознание вспышками, оседали по стенкам разума бесконечно долгое время. Грязная земля. Голые раскрашенные спины. Незнакомые слова. Непрекращающаяся качка. Топот ног.

Наконец, свет начал пробиваться под веки. Свет. Он резал ножом. Не давал понять, что происходит. Расплывчатые фигуры приобретали очертания. Клетка. Толстые ржавые прутья окружали со всех сторон.

Маня попыталась встать с грязной тряпки, на которую ее кто-то уложил. Или бросил. Но чьи-то заботливые руки с небольшим усилием вернули ее обратно. Они же подоткнули покрывавшую ее грязную шкуру. Пахло мочой и старым потом.

– Лежи, дитя, – раздался над ухом женский шепот. – Отдыхай, пока они позволяют.

– Где я? Что произошло? – прохрипела Маня. Она с трудом узнала собственный голос, донесшийся из пересохшего рта.

В руках женщины появилась деревянная миска. Она придержала девочке голову, она осторожно помогла ей напиться мутной, с привкусом тины, водой.

– Тише, дитя. Нам нельзя разговаривать, – наклонилась к ее уху незнакомка. – Если увидишь рядом гхануров, немедленно замолчи, иначе ждет наказание.

Женщина опасливо огляделась и продолжила.

– Тебя бросили к нам с неделю назад, с разбитым лицом, грязную и зарewanную. Ты долго была без сознания. Я пыталась выходить тебя, но потом тебя забрали для клеймения.

– Для...чего? – испугавшись, спросила Маня.

Теперь она смогла четко разглядеть собеседницу. То была взрослая, темнокожая, с морщинистым лицом и узкими глазами женщина. В ее речи был какой-то незнакомый певучий акцент, выдававший в ней чужестранку, но на старородском она говорила почти без запинок. Рваное тряпье, служившее ей одеждой, едва прикрывало обвисшую грудь с тонкими змейками шрамов. Грубые резкие узоры начинались на животе и уходили все выше, через плечи за спину. Лишь по краям уродливые рисунки принимали плавные и спокойные очертания.

Позади женщины раздался противный старческий кашель. Маша сумела подтянуться и разглядеть замотанную в грязные лохмотья старуху. Та сидела в самом углу клетки и захлебывалась в приступе, выплевывая грязно-желтые комки под ноги.

– Они клеймят всех. И себя, и рабов, – указала на свои шрамы женщина.

Маня скинула с себя вонючую шкуру и с ужасом обнаружила, что верх ее тела под изорванным тулупом плотно покрыт тряпочными припарками.

– Постой! – шикнула незнакомка и схватила ее за руки. – Не снимай! Я наложила их пару дней назад, когда тебе нанесли клеймо. Пусть раны заживут, дитя, иначе попадет грязь, и они начнут гнить.

Ее почти материнский, медленный тон немного успокоил Маню. Но из-за резких движений вернулась боль. Свежие шрамы ныли. Нос болел тоже. Девочка аккуратно прикоснулась к нему и отметила, что он распух и стал на ощупь как старый синяк. Отогнув край шкуры, Маня обнаружила вокруг обожженной ноги повязку. Перед глазами возникла огненная змея, поднимавшая ее в воздух, словно тряпичную куклу. Она вгрызлась в плоть, обжигала волнами нестерпимой боли. Где-то горели избы. Изувеченные трупы. Изнасилованные бабы...

– Как зовут тебя, дитя? – отвлекла ее от пылающих образов незнакомка.

– Я... Я Маня. Маша, – заикаясь, ответила девочка.

– Так Маня или Маша? – улыбнулась собеседница.

– Все зовут меня Маня. Хотя мое имя Маша.

– Я – Гэй ла, – сказала женщина и положила руку себе на сердце. – Просто Гэй ла.

Она подняла с деревянного пола клетки тонкую трубочку:

– Это косточки морла, маленькой земляной мыши. Гхануры используют их, чтобы вводить себе в кровь дозы Як'Харской пыли. Наркотика, – она бросила кость обратно. – Тебя накачали им, когда делали клеймо. Он притупляет боль, и приукрашивает получаемые впечатления в сотни раз. Под наркотиком гхануры бесстрашны, считают себя неуязвимыми. Но тебя, малютку, он усыпил на несколько дней.

– Откуда ты столько знаешь об этой... пыли? – спросила Маня. Она пока не понимала, что происходит, и столько новых слов вызвали у нее приступ дурноты.

– Она ее выращивает, – донесся старый сиплый голос от кучи тряпья, сидевшей в углу. – Эта сука помогает им. Проклятым фанатикам!

– *Lat galam amal!* – резко ответила Гэй ла. – Замолчи, старая ведьма! Ты не понимаешь, о чем говоришь, – она повернулась к девочке, и ее глаза вновь наполнились теплотой и заботой. – Не слушай старуху. Не сегодня, так завтра ее сожгут, вот из нее и лезет яд.

Она погладила девочку по грязным спутанным волосам.

– Но это правда. Я родом с Як'Харских гор, далеко на востоке отсюда, у подножия которых растет цветок – маргрум, – женщина задумчиво улыбнулась и посмотрела на серое небо. Воспоминания о доме грели ей душу.

Вновь посмотрев на Маню, Гэй ла добавила:

– Из его пыльцы и лепестков варят этот наркотик. Я выращивала эти чудесные цветы о красных лепестках. Их аромат заполняет всю долину! И я умею превращать их в Пыль.

Маня с трудом повернулась набок, желая разглядеть, что происходило за пределами клетки. Та стояла посреди огромного военного лагеря. Простые палатки и юрты разместили поверх истоптанного грязного луга. Повсюду были развешаны рваные тряпки, украшенные знаком в виде пламени. Верхушки импровизированных жилищ были покрыты тонким слоем свежего снега. Рядом находились такие же клетки, десятки, если не больше. Часть из них пустовала. В остальных сидели люди. Мужчины и женщины содержались порознь. Пленники с угрюмым видом молчали или незаметно перешептывались. Девочка чуть приподнялась на руке и попыталась отыскать глазами Ярика, но безуспешно.

«Жив ли маленький песий друг?» – думала она, вспоминая последние события перед тем, как их схватили. Всю деревню вырезали. Родную бабушку зарубили прямо у нее на глазах. Папа мальчика сгорел в огне, сорвавшемся с рук того верзилы! В такое было трудно поверить, но она точно знала, что видела. Ей захотелось заплакать, но не получилось. Пламя словно добралось и до нее, высушило все слезы.

По лагерю тут и там ходили татуированные дикари в краске красно-белых тонов, покрытые узорами шрамов. На многих были надеты кожаные жилеты и меховые куртки. Но одежда едва прикрывала выпяченные мускулистые груди воинов.

Их клеймо отличалось от того, что было у Гэй ла. Рисунки на ее груди были похожи на каракули малыша, хаотично вырезанные тонким ножом. Будто все делалось второпях, как получится. Шрамы же дикарей имели какой-то смысл, симметрично повторяя друг друга. Они были резки и остры, но по-своему красивы. Углы зигзагов перетекали в причудливые закругления и геометрические фигуры. Судя по всему, клеймо постоянно дополнялось. Некоторые узоры покрывали множеством слоев кожи и выглядели явно старше остальных.

– В их культуре, шрамы носят особый сокровенный характер. Они читают историю друг друга по ним, – разъяснила женщина, обратив внимание на то, как Манька разглядывает чужеземцев. – Они развивают свое клеймо всю жизнь.

Девочка легла на спину, и из нее посыпались вопросы:

– Расскажи, тетушка Гэй ла, кто это такие? Почему они напали на нас? Они же убили всю нашу деревеньку! Кто этот страшный тип, поливающий всех огнем?

– Успокойся, дитя, – женщина положила ладонь ей на лоб. – Я расскажу, что знаю.

Гэй ла снова осмотрелась по сторонам, прежде чем продолжить.

– Эти воины – гхануры. Они живут далеко на юге, в пустынях почти у самого Пекла. Они постоянно воевали друг с другом, и иногда устраивали набеги на мой народ, – она снова приложила руку к сердцу. – Но потом набеги прекратились. До нас долетали слухи о страшной войне, в которой всех гхануров объединил один вождь-завоеватель. Они называют его Посланником, и истово верят, что их цель – покорить мир ради Пекла. Таких, как он ваш народ называет богорóдными, ведь в их жилах течет кровь старых Богов, что создали наш мир. Ты знаешь эту историю?

– Н-нет... – внимательно слушала Маня. Кроме нелепых рассказов старого Оглоба и того, о чем изредка упоминал староста деревни, она ничего не знала о мире, лежавшем по ту сторону степей. Для нее этого мира будто и не существовало. Лишь маленький хутор и море травы вокруг.

– Я не знаю всей истории, – прилегла рядышком Гэй ла, – но рассказывают, что наш мир создали семеро Богов. И нас они тоже создали. Но потом случилось нечто, что перевернуло старый мир. На севере выросли горы, уходящие все выше и выше в небо. Вечно заснеженные и прекрасные. Это место назвали Поднебесной. И поселились там чудесные существа, добрые и чистые. А на юге земля опускалась все ниже и ниже, пока наконец не достигла самого мирового дна. Там всегда полыхают пожары. И неба не видно из-за черного дыма. В том месте разверзлось Пекло, и сейчас живут лишь кошмарные создания, демоны.

У Мани просто в голове не укладывалось. Все это звучало как очередная Оглобовская байка. Ну такого просто быть не может! Она повернула голову и посмотрела на группу дикарей, гнавших закованных в цепи рабов.

– Все это было почти тысячу лет назад. Великий Раскол! – торжественно закончила историю женщина. Можно было подумать, что она восхищается произошедшим. – Старые боги исчезли, оставив мир новым существам. Гхануры верят, что Посланник ведет их на войну против Поднебесья. Ведь война Пекла и Поднебесья не прекращается никогда!

– Этого всего не может быть! – качала головой Маня. – Как такое может быть правдой? Мне никто не рассказывал о таком. И при чем тут мы? Зачем убивать нас?

– На эти вопросы у меня нет ответов, девочка моя. Я часто слышу их разговоры о Великом походе. Видимо, все мы – часть этого Похода, – голос Гэй лы становился все тише с каждым словом. Она присела и долго смотрела в пустоту. В ее глазах крутились неприятные воспоминания.

– Откуда ты знаешь их язык? – наконец нарушила молчание Маня.

– Я – торговка. Мой товар – Як'Харская пыль. Я взращивала цветы, готовила наркотик, и продавала его сотням чужестранцев. Моя семья занималась этим много поколений. Весь мой народ, – рука снова поднялась к сердцу, – занимается этим. Так мы и живем в Як'Харе. Торгуем с разными людьми. И изучаем их языки. Пыль же является частью культуры гхануров, как и клеймо. Не первую сотню лет они покупают или забирают ее силой. Но маргрум цветет круглый год, поэтому украденные запасы быстро восполняются.

Она замолчала и быстро опустила голову в поклоне. К клетке подошли двое дикарей. Один из них открыл решетку, второй кинул на пол несколько черствых и заплесневелых хлебных корок. После он же подлил в их чашку немного гнилой воды.

Один из гхануров обратился к женщине. После короткого разговора на незнакомом языке Гэй ла кивнула, и оба воина удалились к остальным пленникам.

После их ухода безумная бабка выскочила из угла, схватила кусок покрупнее и убралась с добычей в свой угол. Гэй ла собрала остатки хлеба и вместе с чашкой поднесла их поближе к лежащей девочке. Вымочив в воде одну из корок, она подала ее Мане.

Съев немного, девочка поморщилась:

– Какая гадость! Меня сейчас вырвет!

– Другой еды и воды нам не дают. Остается есть лишь это, – сказала женщина, с озабоченным видом вымачивая свою корку, самую маленькую и заплесневелую.

Закончив ужасную трапезу, от которой ей стало только хуже, Маня снова спросила:

– Что он тебе сказал, тетушка Гэй ла?

– Он велел мне приготовить тебя к встрече.

– С кем?

Помолчав, Гэй ла ответила:

– С Посланником.

Маню обуял ужас. Съеденная корка отчаянно запросилась обратно, и она не стала ее удерживать. Девочку вытошнило возле лежанки. По телу стали расходиться волны тревожной боли, к которым добавились еще колики в животе.

«Зачем я нужна ему? Что я такого сделала?»

Мысли роились в голове как испуганные птицы. Она попыталась встать, и на этот раз Гэй ла не стала ей препятствовать. Держась за решетку, она поднялась и попробовала сделать несколько шагов. Но ослабевшие ноги отвыкли от ходьбы, и девочка распласталась на полу тюрьмы, больно ударившись грудью. Место клеймения вспыхнуло огнем и вызвало бессильный крик и слезы. Бабка в углу дико загоготала, хлопая себя по тощим ляжкам.

Гэй ле надоело наблюдать за ее мучениями. Она подошла к девочке, мягко взяла ее за руки и помогла подняться. Маня крепко впилась в ее талию, не желая отпускать. Слезы хлынули дождем, плечи сотрясались в рыданиях.

– Я боюсь, тетушка Гэй ла. Я жутко боюсь. Что он сделает со мной?!

Женщина обняла безутешную малютку и погладила ее по волосам. Они постояли так некоторое время, пока плач не сошел на нет. Девочка успокоилась, дыхание стало ровным. Она немного отпрянула от женщины и посмотрела на нее:

– Что мне нужно делать? К чему мне готовиться? Ты говорила сама с этим... Посланником?

– Все по порядку, – Гэй ла присела рядом на колени и вытерла мокрые девичьи щеки. – Во-первых, не нужно так паниковать. Всегда держи себя в руках. Паника – первый шаг к гибели, запомни это. Во-вторых, с Посланником не разговаривал ни один раб, я о таком не слышала. Ему явно что-то нужно узнать от тебя. И пока ты не расскажешь ему все, он точно не причинит тебе вреда, – она заглянула в ее покрасневшие глаза и улыбнулась. – Эй, милашка! Все будет хорошо. Помни, что к нему нужно относиться с почтением. Когда тебя приведут к нему, опустишь на колени и склони голову. Да, вот так. И жди, когда он сам с тобой заговорит. Обращаясь к нему, называй его вождем. Так звучит его титул среди Орды! Иначе тебя накажут.

Девочка кивала, впитывая ее слова, но спокойствие к ней так и не пришло.

После полуденного солнца, из центра лагеря пришло двое воинов, в меховых плащах поверх темного цвета кожаных панцирей. На головах дикарей красовались конусообразной формы шлемы, украшенные красными хвостами из шерсти.

Они встали у клетки и жестом поманили к себе девочку. Гэй ла кивнула ей на прощание и прошептала:

– Будь уважительна и ничего не бойся.

Маня вышла из объятий тюрьмы и быстрым шагом пошла за одним из конвоиров. Второй шел сразу за ней. Теперь она получше смогла разглядеть устройство лагеря. Из окруживших ее палаток доносились громкие разговоры и смех, женские стоны, звуки быющей посуды и храпа. Возле жилищ стояло множество стоек с копьями, мечами и топорами. Тут и там, словно хворост возле бани, лежали связанные веревкой дротики, и корзины, полные стрел.

По лагерю сновало множество воинов и рабов, скованных по рукам короткими цепями. На всех были надеты ржавые железные ошейники. Невольники носили тюки с сеном, бочки, ящики с провиантом. Отстающих надсмотрщики били розгами. Тех, кто ронял свой груз, забивали сапогами. Женщин ждала участь еще хуже. Их передавали из палатки в палатку, насилуя до полусмерти. И после короткой передышки, запускали по новому кругу. Иные рабы были прикованы к странного вида столам, где им вырезали новые узоры на плечах и груди. Страдальцы громко кричали и плакали. И за это получали все новые и новые удары розгами.

И хотя повсюду лежала грязь от талого снега, лагерь гхануров был обустроен по-военному чисто и аккуратно. Все располагалось так, чтобы не мешать проходу по тропинкам между жилищами. Оружие было вычищено, мусора под ногами не валялось. Здесь было, в каком-то роде, опрятнее, чем в родной деревне, где птичий помет, порой, покрывал улочки от хаты до хаты. Даже нужники стояли отдельно, чтобы не мешать своими запахами отдыхающим в палатках солдатам.

Чем дальше ее вели, тем больше Маня поражалась размерам стоянки войска. Хотя для маленькой девочки все что угодно могло показаться огромным. Особенно ее тревожили развешанные повсюду стяги с пламенем. Словно наблюдая за нею, они провожали каждый ее шаг пристальным взором. Меж стройных рядов палаток можно было различить луг, полный пожелтевшей травы, где паслись тысячи лошадей.

Маня пробовала развлечь и успокоить себя, считая шаги. Но, цифр больше сотни не знала. Поэтому раз пять или шесть начинала заново. А потом и вовсе бросила это дело. Ведущие ее гхануры шли быстро, не сбавляя шага. А она, совсем обессиленная, начинала уставать, едва поспевая за ними. Приходилось чуть ли не бежать, чтобы не стать жертвой плетей, что висели на их поясах.

Вскоре ряды городка стали отдаляться друг от друга, и показался проход к большой площадке, сплошь покрытой вытоптанной грязью. В ее центре располагалась исполинская юрта, размерами как многоквартирный дом. Она была больше даже терема старосты в деревне. Ее стены украшали расписные узоры из разноцветных тряпочек. На шпиле был установлен огромный стяг. Но то было не рваное тряпье, какое она видела раньше. Знамя белого цвета, с рисунками и иероглифами, вышитыми золотыми нитями, изображало красное беспощадное пламя. Его взгляд придавил девочку к земле, вызывал острое чувство тревоги и трепета.

Вход в юрту не охранялся. Один из воинов в поклоне прошел внутрь. Через секунду он вышел и протолкнул туда девочку, а сам остался ждать снаружи.

Вспомнив советы Гэй лы, она упала на колени и опустила голову, украдкой озираясь по сторонам. Маня оказалась права. Тут и правда было несколько комнат. Та, в которой сейчас она находилась, видимо считалась центральной и самой большой. Из нее вело несколько проходов в виде арок, обрамленных косичками из мягкой ткани, которые вели в альковы поменьше.

Убранство помещения было самым богатым из тех, что доводилось видеть маленькой девочке. На стенах из темно-красного бархата, располагались самые разные фигурки и изделия: двойные скрученные рога, большие картины в золотого цвета рамках, со сценами охоты и сражений, плетенки из веток и перьев, разномастное оружие и многое другое. Откуда-то сверху, сквозь маленькие оконца, пробивался дневной свет.

Вдоль стен располагались множество шкафов, витрин и стеллажей, с разноцветными переплетами книг. Многие из них выглядели совсем ветхими. Целая библиотека! Столько не было даже у старосты.

Главным украшением комнаты был внушительный дубовый стол, покрытый бежевым лаком, оформленный золотым орнаментом, заваленный ворохом книг, свитков, зажженных свечей и непонятными металлическими устройствами. После рабской клетки Маня словно очутилась во дворце. Увидеть такое богатство в пристанище диких варваров и убийц она не ожидала.

Пол юрты, укрытый коврами и шкурами, задрожал, будто сама земля разверзлась под ногами. Из комнаты вышел Посланник. Его одеяние отличалось от того, что она видела во время атаки на деревню. На голом торсе, с различными шрамами самых непредсказуемых форм и размеров, был темно-бурого цвета плащ в пол, отороченный белым песцовым мехом. Воротник-стойка обрамлял лысую голову великана. Его безбровые глаза не горели огнем, и больше походили на обычные человеческие. Но их цвет был сродни зареву искр, готовых вспыхнуть беспощадным пламенем. Вождь гхануров подпоясался толстым кожаным ремнем, с бляхой в виде огромного демонического черепа. Не настоящего, но вырезанного из огромного куска кости. Левая рука вождя была плотно обмотана грубым сукном. Видимо сюда пришелся удар, спасший Маню и Ярика от огненных змей.

В руках он держал изящно сконструированный шлем темного цвета с бронзовыми вставками. Его вершину украшали три устремленных ввысь рога. Посланник не обратил внимания на девчонку и прошествовал к стойке, располагавшейся у дальней стены комнаты. На нее он водрузил шлем. Там же покоилась гигантская цельнометаллическая булава, отлитая из неведомого черного металла. Вся ее поверхность была испещрена высеченными иероглифами и рисунками. Оценив стойку взглядом, он прошел в центр комнаты и прогремел:

– Встан’.

Маня поспешила исполнить его приказ и неуклюже поднялась на ноги, не осмеливаясь поднять голову.

– Посмотри на меня.

Его властный голос напоминал раскаты приближающейся грозы. Маня подчинилась и робко уставилась в тлеющие глаза.

На лице гиганта не проявилось никаких эмоций. Мощная грудь тяжело вздымалась при каждом вздохе. Руки неподвижно покоились на поясе. Осмотрев ее, Посланник сделал шаг навстречу к девочке, возвысившись подобно горе над цветком.

– Покажи свое клеймо.

Дрожащими руками Маня скинула с себя изорванный тулуп. Она замешкалась, прежде чем приспустила до пояса рубаху и обнажила свою грудь. От царившей в палатке прохлады ее соски набухли и поднялись. На лице Посланника застыла призрачная тень усмешки. Стараюсь не выказывать смущения, Маня избавилась от повязок, заботливо уложенных Гэй лой поверх ее ран. Девочка осторожно сняла каждый лоскуток ткани. Припарки приклеились к запекшейся крови и причиняли жгучую боль каждый раз, когда она отрывала их от кожи. Под ними оказались какие-то травы, которые пришлось смахнуть, чтобы освободить взору шрамы.

– А-ах... – удивленно рассматривала себя девочка.

Верхнюю часть тела, чуть выше грудок, покрывали едва зажившие вычурные узоры со множеством насечек. Уродливые зигзаги пересекались друг с другом, сплетались в безумном танце. Отвратительном и ужасающем.

Лицо великана приобрело торжествующий вид. Он впивался взглядом в ее грудь, читая узоры клейма словно книгу. Маня стыдливо отвела взгляд, ожидая новых приказов. По щеке покатились капелька слезы.

– Рабское клеймо! – сплюнул вождь себе под ноги.

Он отвернулся, прошел до одной из витрин и извлек тряпичный сверток. Взвесив в руках, Посланник развернул его. В воздухе блеснул серебром длинный обоюдоострый меч. Его кли-

нок буквально отражал мир вокруг себя и походил на кусок чистого льда. Рукоять, обмотанная черной кожей, оканчивалась ярким красным камнем.

– Скажи мне, щенок, – тихим рыком спросил правитель и направил меч острием на девочку. – Чьим быть этот меч?

Маня задумалась. Перед глазами пронеслись еще живые воспоминания о той ужасной ночи. Она убегала из дому, где на ее глазах зарубили бабушку. Их было трое, все полуголые, в одних набедренных повязках, в крови с ног до головы. Все трое зло смеялись и вопили как безумцы. Увидев новую добычу, они погнали ее по улицам хутора, тянули руки, шипели и плевались. Она бежала и плакала, не обращая внимания на происходящее вокруг. В следующий миг перед глазами молнией пронеслась серебряная вспышка, трепетавшая в руках отца Ярика. Затем показался и сам мальчишка, выскочив из-за его спины. Он остановил Маню на полном ходу и утащил с дороги. Совсем рядом мелькали серебряные полосы, кромсавшие врагов направо и налево. А она заворожено наблюдала за битвой, боясь кричать или плакать.

– Да, вождь, – памятуя уроки своей спасительницы, проговорила девочка. Гэй ла предупредила, что говорить нужно правду, и тогда Маня останется цела. – Это меч нашего деревенского кузнеца, отца моего друга.

– Какое его имя?

– Я... Я не знаю, – Маня осеклась. Она и правда не знала имени.

– Говори, смерд! – прогремел Посланник и поднес клинок к шее девочки. По его серебру побежала тонкая струйка крови.

– Я не знаю! – вскричала девочка, пораженная внезапным уколom боли. – Я почти не разговаривала с ним! Только с Яриком.

– Кем был этот Ярик? – равнодушно спросил гигант, воткнув меч перед собой. Кровь скатилась по клинку и впиталась в ковер. На лезвии осталась лишь узкая алая дорожка.

– Ярик охотник и мой друг. Они с папой жили возле кузницы. Мы убегали вместе, когда вы напали.

Вождь дикарей рассмеялся и сообщил ей новость, сразившую ее наповал:

– А-а, ты про этого недоноска... Я убил его. Он сгорел как его никчемный отец.

Маня вспомнила пламя, поглотившее хозяина меча. За ним в ушах возник последний писк отважного Выюнка. Она вспомнила порой серьезного, но доброго и честного Ярика. Они все отдали свои жизни, и теперь она осталась одна. Как она может рассказывать что-то этому убийце! Непроизвольно ее взгляд прогнал остатки испуга и злобно обратился в лицо повелителя. В голосе появилась горечь и, пусть и детские, отголоски гнева.

– Вы убили всех! Зачем? Что вам нужно?

От неожиданного и могучего пинка девочку выкинуло из юрты. Талая грязь встретила ее обволакивающим месивом, измазав с головы до ног. Сидевшие возле входа конвоиры повскакивали со своих мест. Размашистым движением Посланник отодвинул занавески, укрывавшие вход, и вышел на улицу. Его глаза полыхали огнем. В кулаке был зажат меч отца Ярика. В его исполинских руках он казался просто длинным ножичком. Великан медленными грузными шагами приближался к лежавшей на земле Мане, громко рыча в ее сторону:

– Никто! Не смеет! Спрашиват'! Меня! На колени, рабыня!

Перепахканная невольница встала на четвереньки, задыхаясь от адской боли и обиды. И неизвестно, что из них жгло ее сильнее. Удар, должен был сломать, наверное, все ее косточки, но она держалась. Ну уж нет. Маня никогда за словом в карман не лезла, и сейчас в обиду себя давать не хотела.

«Будь что будет», – решила она.

Пошатываясь, Маня встала на ноги, и решительно взглянула на обидчика. Пусть убивает, все равно ей недолго осталось. Лишь бы все это кончилось. Стоявшие в стороне воины поснимали с поясов розги и кинулись к ней, желая усмирить дерзкую малолетку.

Посланник жестом остановил их и сгреб крохотное девичье тельце в кулак, подняв ее воздух.

– Я мог бы раздавить тебя прямо сейчас. Ты бесполезна для меня. Ты не знаешь того, что мне нужно.

– Убивай! Если тебе нужно было имя, я его не знаю! Чего еще ты хочешь! – задыхаясь, пищала девочка. Она впилась ногтями в пальцы Посланника.

– Идол! У него есть к'аменная фигурк'а. Божество! Ты видела такое?

– Наверняка сгорела, вместе с деревней, я не знаю! – Маня беспомощно обвисла в смертельной хватке, ожидая скорой расправы. – Провалитесь вы, убийцы!

– Эта фигурк'а не горит. В ваших жалких лачугах ее нет. У этого воина ее нет. Значит, она у этого...сопляка, – Посланник сплюнул, явно поминая Ярика, и сжал кулак сильнее. – Или у тебя. Отвечай где она?

– У меня ее нет... – ответила Маня, извиваясь в его руках. – Я не знаю. Правда!

Великан приблизил ее к своему лицу. Жар огня, полыхавшего в его глазницах, обжигал девочку и вырывал из груди сдавленные крики.

– В тебе гореть пламя, щенок. Посмотрим, возрастет ли оно.

В следующий миг ее швырнули обратно в грязь. Влага успокаивающе холодила обожженное лицо. Казалось, девочку изломали везде, где только можно. Руки и ноги отказывались шевелиться. Даже дышать было больно. Воздуха едва хватало.

– Брос'те ее обратно. Она будет жит', страдая в мою чест', – прорычал Посланник и удалился в юрту.

Конвоиры подбежали к Мане и подхватили ее под руки. Девочку волокли по земле до самой клетки. Редкие камни больно били по коленям. Слой грязи налип вокруг ослабевших ножек. Сознание ускользало, и девочка даже не пыталась его удержать, мечтая забыться в прекрасном небытии. Невольники и их надсмотрщики-гхануры провожали необычную процессию взглядами. Где-то ржали лошади. Ветер принес новую порцию мелкого снега.

Вечер разговоров

Нежный шелест листьев доносился сквозь открытое окно. За их шепотом спешило чирикание мелких пичужек, нелепо сражавшихся на подоконнике за букашек. Одну из птичек перевернули на спину, и та забавно дрыгала крохотными лапками, пытаясь вернуться в бой. В воздухе пахло весенними ароматами цветов и березовых почек. Яркое солнце ласково щекотало глаза и наполняло приятным теплом.

Медленно отходя ото сна, Ярик потянулся и с удовольствием сложил руки над головой на мягкой подушке. Он лежал на добротной деревянной кровати и утопал в пуховой перине. Легкое тканое одеяло растянулось на нем, словно кошка, уснувшая на хозяине. К слову, кошка тоже была. Вернее, кот. Похожий своим черным мехом на прогоревший уголек, он растянулся в ногах мальчика. Одним видом он показывал, как же сладко ему спится.

Открыв глаза, Ярик обнаружил себя посреди просторной, но изрядно захлавленной комнаты. Возле кровати вальяжно расположилась пузатая, словно грузная баба, тумбочка из старого соснового пня. На ней стояла деревянная чарка с водой и миска с горячим картофельным пюре. Верхушку блюда украшала румяная куриная ножка и россыпь зелени. А еще на столе стояла фигурка Лема, переданная ему отцом. Он поспешил взять ее в руки и спрятать от чужих глаз.

Запахи еды пробудили в животе заснувшего монстра, который громко заворчал, призывая скорее приступить к трапезе. Дремавший кот, почуяв пробуждение мальчика, перевернулся набок и приветственно мяукнул.

В конце комнаты слышалось поскрипывание пера по бумаге. За столом, на высоком изящном стуле, словно собранном из ивовых ветвей, восседал старик. Он нараспев бубнил что-то себе под нос. Ярик прислушался, поглаживая громко мурчавшего, словно бурный ручей, котика:

*Там в лесу, где медведи по соснам гуляют,
Поют сойки, а зайцы щиплют траву,
Я тебя у пруда нагишом повстречаю.
А ты радостно тут же распушишь косу!
Сарафаны долой, полетели портки!
Я ищу наугад под водой свои цели.
Сразу ты поняла, как тебя видеть рад...*

Старик повернулся лицом к Ярику, и озорно прищурился:

– Ох... *Что-то стих мой пошел совсем невпопад.*

Он расплылся в улыбке, довольный своими талантами. Лысую старческую голову обрамляли длинные и такие же седые, как и его внушительные усы и борода, волосы. Красный нос, словно огромная картошка, пророс между светлых голубоватых глаз, излучавших тепло и радушие.

Старик спрыгнул со стула. Он оказался не таким уж и высоким, как показалось сначала. На нем был надет обыкновенный балахон из мешковины, подвязанный вокруг солидного брюшка плетеной веревкой. Через плечо была перекинута небольшая сумочка, какие носят травники или знахари. Он неуклюже поковылял в сторону мальчика, опираясь на небольшую трость из орехового дерева.

– Здравствуйте, молодой человек! – озорным тоном поприветствовал дед мальчика, осматривая его лицо. – Вы, наконец, соизволили проснуться! А проспали вы почти неделю. Вижу, ваши раны неплохо затянулись, поэтому предлагаю уже познакомиться.

Мальчик только сейчас понял, что весь обмотан повязками. Царапки на лице заботливо смазаны мазями. Рана на голове покрыта травяной припаркой. Укусы от пиявок укрылись под слоями тряпочек, приятно благоухавших чередой и шалфеем. Только обожженная нога, обильно смазанная желтым бальзамом, слегка стонала.

– Да, я взял на себя смелость обработать ваши раны и покончить с лихорадкой! – звонко подытожил старик и драматично воздел палец к небу. – Итак, позвольте представиться, я – Яромир! Хотя в разные годы меня называли по-разному. Одни чудаки даже кликали меня Мазаем, когда я спас семью кроликов от наводнения. Почем, кто его знает? И вы, молодой человек, сейчас находитесь в моем скромном убежище. Можете чувствовать себя как дома!

Он снова улыбнулся, но тут же озабоченно сморщил лоб:

– Вы ешьте, ешьте, пока горячее!

Ярик кивнул и первым делом осушил до дна чарку. Сладкая, словно березовый сок, вода приятно холодила внутренности. Взяв в руки миску с едой и лежавшую рядом деревянную ложку, он тоже представился:

– Меня зовут Ярик.

– Ярик! Стало быть, Ярослав. Тезка! Какая приятная неожиданность, – не переставая улыбаться, выдавал болтливый дед.

Он отошел от изголовья кровати, отложил трость и взял на руки кота. Тот, как безвольное полешко, повис, свесив лапы. Видимо это было привычным делом.

– Ну, теперь можно и на ты, коли познакомились. На вы мы только с врагами, знаете ли. Ты кушай, не спеши. Имеется вдоволь добавки. А потом я жду твою историю. Не каждый день кто-то посреди ночи сваливается в мой огород и ломает мои чудесные тыквы. Ах, они были произведением искусства!

Качая головой, он удалился к своему столу и вновь принялся скрипеть пером. Ярик тем временем уплетал за обе щеки. Горячая вкусная еда сводила с ума, будто он не ел годами. Нечета склизким болотным лягушкам. Поперхнувшись, он начал есть медленнее, наслаждаясь каждой ложкой горячей еды.

Вычистив тарелку дочиста, он осторожно сполз с кровати. Вездесущий кот семенящим бегом пересек комнату, чтобы потереться о его ноги. Он завалился набок и принялся кататься по полу. Оставив кота в покое, Ярик надел кафтан, любезно выстиранный стариком, и неуверенными шагами подошел к хозяину дома.

– Спасибо, дедушка Яромир! – сказал он. – За то, что накормил. За то, что спас меня. Я...я думал мне конец.

Тот повернулся с милейшей улыбкой, по щеке покатилась слеза.

– Ох, Ярослав, Ярослав! Знал бы ты, как приятно слышать слова благодарности! Ради этого, пожалуй, и стоит делать добрые дела!

Мальчик смущенно молчал, не зная, что сказать. Обратив внимание на рукописи старика, он спросил:

– А что ты пишешь? Какие-нибудь истории?

– Ох, истории... Нет-нет, – он рассеянно копался среди желтых листов, коими был завален весь стол, и поднял один из них, – ну-ка, послушай:

*В корчме на лавках я сидел,
Вокруг меня витали звезды.
И вдруг я что-то разглядел:
Была то кружка пива. С водкой!*

*А ведь известно, что пиво,
Под водочку идет получше.*

*И на душе staje тепло,
Смешав их в чарочке погуще.*

*Я устремился сквозь толпу,
Желая завладеть лишь ею.
Рукой махнул я на судьбу,
Ведь счастье с ней найти сумею.*

*Сквозь злопыханье, я дошел,
Прильнул губами к грязной чарке!
Но в тот момент мне дали в глаз!
И снова звезды! Снова лавки!*

Довольный старик захохотал, держась за живот. Ярик присоединился к нему, занявшись искренним смехом. Из глаз бежали слезы радости. Дедовские прибаутки пришлись ему по душе.

Насмеявшись вдоволь, улыбчивый Яромир положил свою руку на плечо мальчику и предложил:

– Пойдем во двор, разомнешься немного и поговорим.

Он неуклюже сполз со стула, вооружился тростью и отправился к двери. Сбитая из толстых досок, окрашенных в зеленый цвет, она казалась неподъемной. Не без труда старик отворил ее и махнул Ярику, предлагая пройти за ним. Мальчик вышел наружу, и яркий свет на миг ослепил его.

Полуденное солнце, по-весеннему теплое, ласкало сочную зеленую траву, поросшую плотным ковром вокруг стариковского дома. Невдалеке раскинулся небольшой сад, огороженный низкой изгородью из тонких березовых веток. Прошмыгнувший за ними кот уже гонялся за бабочками-капустницами, выкидывая коленца в невиданных пируэтах. Вдоль изгороди пестрой лентой протянулись разномастные цветы, причудливых форм и размеров. В самом саду же виднелись саженцы картофеля, вилки капусты, морковь, редька, всяческая зелень, листья табака и несчастные раздавленные тыквы, размером с добрую собаку.

«Видимо, сюда я и свалился. Но откуда...?»

Все вопросы отпали, когда Ярик посмотрел выше. Вокруг райской полянки, где жил дружелюбный старичок, протянулась высокая скалистая гряда под снежными шапками. По ее краям виднелась редкая поросль и жиденькие кустики. Еще выше раскинулся сосновый лес, уходящий верхушками к облакам. Отсюда, казалось, что перед тобой возвышается целая гора, и становилось как-то не по себе. словно ты маленькая букашка.

– Это... волшебство, – прошептал мальчик.

– Да брось, дорогой Ярослав! – засмеялся Яромир. – Это не волшебство. Это природа! Когда дружишь с лесом, его обитателями, с горами и солнцем, они могут творить в ответ такие чудеса, – он понизил голос до загадочного шепота, – что не сможет ни один кудесник во всем мире.

Казалось, его палец живет своей жизнью и снова устремился ввысь.

– Но... снег, – разведя руками, воскликнул Ярик. – И теплое солнце! И зеленая трава. Осень ведь кончается, почему здесь все не так, как в остальном лесу?

– Вопросы, вопросы! – небрежно отмахнулся старик. – Оставь их на потом. Сначала поведай мне свою историю! Тыквы по-прежнему ждут объяснений.

Он поудобнее устроился на лавочке, стоявшей под круглым окошком низкого, почти что вросшего в землю, домика. Крыша его вся поросла сочной муравой, кое-где пестрели цветы

одуванчика. Дымохода, как на избах в родной деревне, не было. Что неудивительно, если вокруг всегда стоит тепло.

Порывшись в своей сумке, Яромир извлек длинную трубку. Каким образом она сумела в ней поместиться, Ярику оставалось лишь гадать. Небрежно сунув ее в рот, старик что-то пробурчал под нос и взмахнул руками. В его ладонях вспыхнул маленький огонек. Ароматное зелье в трубке зашипело, потянулся легкий синеватый дымок.

– Для долгих разговоров табачок подходит лучше всего, – хитро прищурил глаза старик.

И разговор вышел действительно долгим. Ярик присел на траву перед дедушкой и поведал о родной деревне. О том, как они выживали, вопреки суровым степным законам. О праздниках и печалях, которые доводилось переживать. О своих лучших друзьях, девочке Мане и верном Вьюнке. И об отце.

Яромир молча слушал, попыхивая трубкой, выдавая порой причудливые колечки из дыма. На его лице играла мечтательная улыбка, когда мальчик говорил о жизни простого деревенского люда.

Но потом настал черед рассказа о ночи, перечеркнувшей историю маленького хутора. Кустистые брови старика тревожно встретились над глазами, когда до его ушей донеслись вести о свирепом гиганте, источавшем пламя, возглавлявшем некое Воинство Пекла и убившем храброго отца мальчика.

– Ну же. Все позади, – сказал Яромир и по-отечески положил руку на плечо рыдающему Ярику. – Все кончилось. Извини, что заставил тебя пережить это снова.

Мальчик утер слезы и продолжил рассказ, поведав о пути через степи, пленении Мани, смерти верного пса. О пожаре, гнавшемся за ним. О зыбких топях, едва не поглотивших его навеки. О бойне на полянке лесорубов.

Ярик сидел, опустив голову, опустошенный, будто проделал весь этот путь заново. Яромир задумчиво дымил, скрестив руки на коленях. Даже кот, будто осознавая тяготы, которые пришлось пережить юному гостю, оставил свои занятия и подошел, чтобы утешить его.

Солнце к концу рассказа уже успело спрятаться за верхушками сосен. На полянку старика медленно наступала вечерняя мгла. Ветер усилился. Он, как пастух, нагонял новую порцию серых барашков-облаков. Тревога отпустила Ярика. Всплипы прекратились. Он перебрался на лавочку, примостился возле деда и принялся изучать свои пальцы. Яромир же все сидел с отрешенным видом, погрузившись в раздумья.

Только когда начало темнеть по-настоящему, он зашевелился, словно очнулся от дремы, и поманил мальчика внутрь. Тот уже начинал стучать зубами от вечерней прохлады.

Быстренько сообразив кипятку, старик разлил по кружкам ароматного чая с травами и поставил перед своим гостем корзинку с подслащенными сухарями. Они устроились на крохотной кухне, притаившейся в углу дома, возле смотрящих на уличную темноту окон. Над шкафами висели связки чеснока, табака и ароматных веточек, чьи запахи бодрили тело и дух. Ярик уселся на табуретку, не доставая ногами до пола. Старик же приволок свой изящный трон, неловко взгромоздившись на него, как снегирь на ветку.

– Дедушка Яромир, – нарушил затянувшееся молчание Ярик, – кто этот человек? Как он может так управляться с огнем?

– Ох, – встрепенулся старик. – Подумать только! Я так давно не говорил ни с единой живой душой. А теперь, когда выпала оказия, сижу как трухлявый пенёк и молчу!

Он обильно отхлебнул из своей кружки и продолжил:

– У тебя сейчас наверняка столько вопросов! И непонятно, где искать на них ответы. Что ж... Начну по порядку. С самого, так сказать, начала. Тебе известна история о Великом Расколе?

– Да! – усердно закивал Ярик. – Отец рассказывал мне об этом. О Поднебесье и Пекле! О добрых существах и злых нелюдях, что живут там. И о старых богах тоже.

– Добрых и злых, говоришь? – он хмыкнул себе в усы. – Значит, ты знаешь, что у тебя в кармашке притаилась фигурка Лема, – его глаза заговорщически прищурились. – Люд, что попроще, до сих пор поклоняется ему, принося свои молитвы о солнечных днях, удачи в пути, хорошем урожае. Но богов было семеро! Лем – Бог Солнца и Огня, самый старший и мудрый из всех. За ним шел его брат Клим, бог Стали и Труда. Женой Клима была Лада, богиня Земли. А ее сестра Рада – покровительствовала Любви.

В руках старика вновь объявилась трубочка со свежим зельем. Сверкнув маленьким огоньком в руках, он принялся неторопливо пускать клубы дыма.

Чуть погода, Яромир продолжил:

– Жили они семьей в космической пустоте. Космос – это та тьма, которую ты можешь видеть по ночам в небе, – ткнул он в сторону темноглазого окна. – Жили на одной из лун, той, что сейчас поменьше, белой Плее. Тогда она была во много раз больше! Стремясь сохранить оттиски своего существования, решили они сотворить мир, идеальный для жизни и царствования. Тот, в котором мы живем, между прочим. Для этого взяли часть луны, смешали ее со своей кровью и светом звезд. И стали ждать, что получится. Но на второй луне, красноглазом Морее, жил давний противник Лема, бог Зимы и Мороза – Хлад. Чудесное имя, не правда ли? – рассмеялся старик.

– Они сражались друг с другом? – спросил Ярик, слушавший историю с замиранием сердца.

– И да, и нет, – развел руками дедушка. – Хлад был влюблен в Ладу, а Лем не хотел, чтобы кто-то разрушил счастье своего брата, и встал на их защиту. Но в открытую они не воевали. У Хлада было два сына, Свальд, бог Ветра и Бури, и Мор – бог Смерти и Разложения. Как говорилось в легенде, он сам слепил себе сыновей, из космического ветра и недр Мороя. Ты еще не запутался?

Мальчик потряс головой, жажда услышать продолжение.

– Так, на чем-бишь я остановился, – призадумался старый Яромир. – Ах, так вот. Прознал Хлад о том, что остальные варят суп, из которого выйдет новый мир! И незаметно добавил туда плоти Мороя и кровь свою и сыновей своих. Чтобы тоже иметь власть в этом мире. И так и вышло, представляешь?

Дед попускал колечки из дыма, собирая мысли в голове. Он легонько улыбался, как будто вспоминал, нечто забавное и памятное для него.

– Боги пришли в ужас, когда в новом дивном мире обнаружили следы вмешательства Хлада и его сыновей, но ничего уже нельзя было сделать. Лем создал Солнце, что освещает наш мир днем. Лада воздвигла горы и холмы, леса и равнины, чтобы мир стал разнообразным и красивым. Рада, спустившись сюда, из своего чрева создала людей и зверей, чтобы они радовались вместе с создателями. Хотя тогда, люди от зверья отличались не шибко. Тогда Клим подарил им труд и сталь, чтобы они могли прокормиться, и улучшить себя и этот мир. Под голубым небом царили вечные весна и лето. И все бы хорошо, да только путь сюда был открыт и для остальных богов.

Яромир наиграно, как ему нравилось, насупил брови и молвил грозным загадочным голосом:

– Хлад спустился в мир. Он создал гигантские ледники и покрыл горы снегами. Разлил всюду, моря и океаны. Раскидал ленты рек, зеркала озер и болот. А пришедший за ним Свальд, принес ветра, облака и даже но́чи, чтобы все имели время для отдыха и празднеств. Что в итоге только украсило мир. Отчего, удивленные боги не стали даже пытаться исправить их деяния. А совсем наоборот, начали благосклонно относиться к Хладу. Настал день, когда они с Лемом пожали друг другу руки и позабыли о былой вражде.

– А что же с последним богом, Мором? – вопрошал Ярик, ожидая развязки занимательной истории.

– Случился день, – ответил старик, – когда людей стало чересчур много. Зверье начало страдать, сами люди страдали, от собственного засилья. И тогда Хлад позвал своего второго сына. Мор, придя сюда, вручил дивному миру дар смерти. Пожившие свое, начали умирать, освобождая место молодым. Травы увядали, чтобы возродиться. Так родились осень и зима. Запустился цикл времен года. Цикл рождения, взросления, старости и смерти. Рада сильно опечалилась этому, но понимала, что иным способом своих детей не спасти. Люди же озлобились, постоянно лишаясь своих родных и близких. В их душах хитрый Мор сумел разжечь тягу к насилию над природой и самими собой. Чем больше их умирало, тем лучше жилось ему. Но об этом он не поведал даже отцу.

Яромир всполоснул горло остатками чая и принялся попыхивать трубкой. Ярик грыз сухари и размышлял о мироздании. Знакомые ему пейзажи теперь, словно преобразились, заиграли новыми красками. Всюду виднелись следы богов. Даже старый деревянный стол казался божественным творением. Но один момент не давал ему покоя:

– При чем здесь этот огненный колдун?

– Подожди, неугомонное дитя, я еще не окончил, – махнул рукой дед, кутивший с довольными закрытыми глазами.

Он подсыпал табачку и продолжил:

– Понимаешь, создавать миры – дело непростое, – погрозил он пальцем мальчику. – Попробуй, сам поймешь! Себе в помощь боги брали избранных людей, тех, кто отличался знаниями, умом, сообразительностью. Волей и силой. С такими они делились некоторыми секретами и давали вкушать своей крови. Как ты, надеюсь, понял, все люди носили в себе кровь богини Рады, от которой и начался род людской. Посему каждый человек владеет магией любви и рождения. Но смешиваясь с кровью других богов... – он наклонился к Ярику почти вплотную, заговорив шепотом, – получались, порой, непредсказуемые результаты!

– Такие, как владение огнем? – сообразил Ярик.

– Именно так, – откинулся на стуле старик. – Избранники получали крупицу силы богов. Одни повелевали ветрами. Вторые воздвигали горы наравне с Ладой. Другие топили льды или создавали новые реки и озера. Эти помощники сами творили мир, а богам оставалось лишь наблюдать и направлять их в нужную сторону. Но больше всех не повезло злосчастному Морю. Каким бы сильным он ни становился, питаясь душами умерших, он никак не мог передать часть своих сил ни одному живому существу. Его помощники не могли ничего создать. Их сущность не менялась. Мор перепробовал все. Поил кровью, зачинал детей с людскими бабами, кормил их своей плотью, но все безуспешно.

– Как странно, – нахмурился Ярик, успевая прихлебывать чаек, – было бы логично, если эти помощники могли хотя бы старить людей, траву, деревья. Разве не так все получалось у остальных?

– Ты правильно мыслишь, молодой человек! Но в случае с Мором – это не сработало. В итоге он бросил многовековые попытки и решил продолжать свое дело в одиночку. А потом случилось то, что боги не предусмотрели. Люди, вкусившие их кровь, рождали своих детей, а те своих и так далее. И часть божественного дара передавалась из поколения в поколение. Собрав достаточно силы, она выплескивалась в одном из отпрысков, отчего те с рождения получали невиданные способности. Их были единицы, и по силе они были не ровней своим величественным предкам. Но все же отличались от остальных людей. Так и появились колдуны, маги, ведьмы. Везде их кличут по-разному. Как и самих богов. Но исстари таких кудесников называли богородными.

– Получается, тот злодей – богородный! – воскликнул Ярик, – Но он ничего не создает, он только разрушает и убивает! Разве боги не подумали об этом, когда создавали таких, как он?

– Ох, мой мальчик, – опустил глаза Яромир, – ты зришь в корень, но все не так просто. Я рассказал тебе лишь часть истории. Боги были всемогущи и всеведущи, но даже они не могли

смотреть в будущее. И тоже могли ошибаться. На заре мира, они, как я сказал, следили за своими творениями, не давая им направлять полученные силы в неправильное русло. Ведь они хотели построить цветущий сад, а не поле для битвы богородных безумцев. Они додумались ограничить их силы хотя бы тем, что, сотворив много чудес, богородным нужно было потом долго восстанавливать свои силы. Но этого оказалось мало.

В дверь кто-то поскребся. Дед неуклюже слез со стула и отворил ее, впустив внутрь своего черного кота. Голова того была вся в паутине, в глазах горел голодный огонек. Яромир открыл один из шкафчиков на кухне и достал кусок вяленой оленины, которым угостил неугомонного скитальца. Тот радостно вцепился в добычу зубами и замурчал от удовольствия.

Дедушка вновь сел за стол, подымял пару мгновений трубку и продолжил:

– Строительство мира подходило к концу. Он стал почти таким, каким хотели его видеть создатели. Редкие споры между ними разрешались мирно. Лем и Хлад уже давно сдружились. Да и сам Бог мороза давно остыл к Ладе и много веков ухаживал за Радой. Казалось, скоро можно будет отдохнуть от трудов.

Он немного подумал, запустил руку в свою сумочку и извлек горсть мелких камушков. Раскидав их по столу, он серьезным взглядом посмотрел на мальчика:

– Попробую объяснить, чтобы ты понял, что произошло.

Яромир распростер руки над столом. Камни сами собой заскользили по столешнице, образовав долгую прямую линию.

– Ты тоже богородный! – воскликнул мальчик, вскочив с табурета.

– В некоем роде, – смутился старик. – Прости, нужно было предупредить тебя. Присядь и не пугайся. Обо всем по порядку.

Ошарашенный Ярик залез на стул, не сводя глаз с кудесника.

– Ярослав, мальчик мой, – начал тот непривычно серьезным тоном. – Ты оказался втянут в водоворот опасных событий. Я поделился с тобой своей тайной взамен на то, что поведал ты. А начинать знакомство с обмана – заранее гиблое дело. Я ожидаю, что ты, хотя бы какое-то время останешься у меня. Ведь там, тебя ждет лишь смерть!

С этими словами старец ткнул пальцем в окно, за которым клубилась ночь. Ярик медленно кивнул, понимая, что иной помощи ему сейчас не найти.

– Вот и хорошо, – сказал в ответ Яромир, – а теперь продолжим. Посмотри на эту линию. Видишь? Таким был наш мир. Он был ровным, покладистым. По своей форме. Посмотри теперь.

По мановению его руки, камни перестроились и изобразили немного наклонную линию. Один из ее концов резко уходил вверх, второй же зигзагами опускался все ниже и ниже.

– Случился Великий Раскол, от которого и ведется наше летоисчисление.

– Но что именно произошло? – недоумевал Ярик.

– В это мир пришел...кто-то еще, – горько ответил дедушка. Взгляд его изрядно нахмурился. – Их приход ознаменовался страшными бурями, пожарами, землетрясениями. На севере выросли грандиозные горы, уходящие вверх выше облаков. Супротив них, на юге, земная твердь опускалась все ниже и ниже. Пока совсем не провалилась и не открыла путь к мировым недрам. Загадочные существа, прибывшие к нам, избрали эти места своим домом, почти никогда не показывались людям. Так родились Поднебесье и Пекло.

На этих словах свет расставленных по дому свечей вздрогнул.

– За тысячу лет с тех пор эта история обросла мифами и легендами. Сменилось множество поколений. И многие поверили, что на севере, среди белизны заснеженных гор живут чистые и благородные создания, которые якобы дарили во время редких встреч с людьми, свою благодать и исцеление. Про Пекло же сложилось другое мнение. Мол, раз там кругом огонь, они злые и несут лишь разрушение и смерть. Но знай, – Яромир взметнул палец, – я в это не

верю! Они воюют друг с другом долгие годы, руками простых людей. И не несут в себе никакого добра или зла. Только хаос!

Мастер-лучник

В доме повисла зловещая тишина. Ночь просачивалась сквозь дверные щели, неся с собой убаюкивающую прохладу. В неровном дыхании свечей на стенах танцевали длинные трепещущие тени.

Ярик сидел, проглотив язык, и обдумывал услышанное. Старик рассказывал очень убедительно, словно был свидетелем этих ужасных событий. Мир теперь казался не таким простым. Во всем прослеживался чей-то великий замысел. Вокруг привычных глазу вещей словно появился ореол таинственной значимости. Каждая деталь, каждая былинка и пылинка появились в этом мире неспроста. И существовали ради чего-то. Ради выполнения неизвестного предназначения. За всей этой историей скрывалась странная загадка. Решение лежало на поверхности, но найти его никак не удавалось.

За окном ухнула сова и вывела Ярика из оцепенения. Яромир в полудреме сидел на своем ветвистом стуле, опустив руки. Табак высыпался из трубки и потух. Кот спрятался в тени кровати, и лишь отражение глаз выдавало его присутствие.

Осознав услышанное, Ярик понял, что многое осталось недосказанным.

– Дедушка Яромир, – потрепал он того за руку. – Ты спишь?

– Мм? Что? Ох, – подпрыгнул на стуле старик. – Нет-нет, просто задумался.

– Ты так и не рассказал, что случилось с богородными, да и самими богами после Раскола.

Яромир погладил себя по бороде, подбирая слова:

– После Раскола мира боги пропали. Да вот так, просто пропали, они либо ушли, не выдержав соседства с таинственными пришельцами, либо были ими же побеждены. Но этого не изменишь, их просто нет. Молитвы не доходят до них. Мир перестал меняться. И силы богородных более никто не направляет. Те, кому посчастливилось родиться в более или менее цивилизованных странах, выбирали стезю ученых, политиков, или просто помогают миру как могут. Некоторые сбились в группы, создав нечто вроде школы для кудесников. Прочие же скрылись и живут тихой жизнью, как я, не желая привлекать к себе внимание, – он украдкой глянул на мальчика и с улыбкой добавил, – редко встретишь деревню, где не ходили бы слухи о старой ведьме или какой другой яге, живущей в соседнем лесу или пещере. Да и в мире изредка встречаются богородные животные, предкам которых также досталась некая волшебная сила.

– Но ведь есть и те, кто, получив такую силу, начинают учинять разрушения, как этот огненный маг? – подытожил Ярик, хотя и сам знал, каким будет ответ.

Свирепый богородный, испепеливший прежнюю жизнь мальчика, стал самым лучшим ответом на вопрос. Его безумная тяга к разрушению теперь стала намного понятнее. Вокруг его образа в памяти Ярика вспыхнула некая аура, раскрывавшая саму суть огненного безумца. Он преследовал свою жестокую цель, не сдерживая себя никакими рамками и запретами. Аура полыхала злыми помыслами, но в то же время твердой уверенностью в праведности своих действий. Ему кто-то дал эту цель и отправил в беспощадный поход.

Ярик не мог объяснить, как он увидел это. Он просто осознал, что в своем разуме огненный гигант был уверен в своей правоте. Теперь он казался не просто фанатичным безумцем, а идущим к своей цели вполне осознанно. Старик молча наблюдал за мальчиком и ждал, пока тот сам сделает нужные умозаключения.

– Теперь ты видишь? Вот что нам принесли пришельцы. А ведь люди всерьез поклоняются им. Приносят жертвы. Восхваляют в своих молитвах, – он безутешно покачал головой. – Безумие овладевает миром, пробирается в людские сердца, возводит их руками церкви и храмы в честь тех, о ком мы не знаем ничего. И я убежден, что эти захватчики не сидят в своих твердых без дела. Они покрыли мир сетью интриг, и их истинная цель – одолеть друг друга.

Ярик согласно кивнул. Ему открылась новая точка зрения. В нем самом что-то изменилось, но он пока не понимал, что именно. Он будто мог теперь заглянуть в самую суть вещей, осознав, откуда пошло начало мира.

– Дедушка Яромир, – он посмотрел на старика, – объясни еще одну вещь. Ты сказал, что боги пришли в этот мир и создали все по своему образу и подобию. Создали некие, я бы, наверное назвал, правила, по которым мир живет.

– Законы. Законы природы. Законы Жизни, – кивнул в ответ Яромир, довольный ходом мысли мальчика. Ему жутко нравилось, что он разжег в нем такой интерес к происходящим событиям.

Ярик продолжал:

– Вот смотри. Пришел Лем – создал солнце. До этого, значит, солнца не было?

– Получается, что так.

– Пришла Лада и создала горы, леса и все то, что нас окружает.

– Все верно, молодой человек.

– Рада – людей, Клим – труд.

Старик кивал.

– Хлад наполнил мир водой. А Мор – принес смерть.

– А Свальд ветра и ночи, – скрестив пальцы, сказал старик. – Да, это так, и без каждого из богов не появилось бы на свет ничего из этого.

– Я не знаю почему, но мне кажется, что пропади куда-нибудь боги – пропади бы и те творения, что они создали. Вот пропади Мор, люди перестали бы умирать. Пропади Лем – и солнце больше не взошло бы на небесах, – Ярик спрыгнул со стула, и принялся быстро ходить по комнате. – Правильно ли я думаю? Ведь люди – умирают! А солнце каждый день встает на востоке и садится на западе. Ветра все так же дуют. А значит... Боги еще здесь! В этом мире! – палец Ярика взметнулся над головой.

Старик Яромир замер, удивленно уставившись на мальчика.

– Воистину, устами младенца глаголет истина! – воскликнул он, пораженный выводами Ярика. Настал его черед мерить шагами комнату, пытаясь осмыслить услышанное.

– Я чувствовал. Я знал! Почему я сам не догадался? – он резко остановился, ударил себя по лбу и крепко обнял Ярика. – Ох, мальчик мой. Ты просто подарок судьбы.

Старик выпустил его из объятий и вновь стал ходить по комнате неуклюжей походкой, переваливаясь с бока на бок. Он бормотал что-то под нос и постоянно косился на окно. Ярик подошел к кровати, на которой уже лежал кот. Тот медленно провожал взглядом своего хозяина, ожидая его решения. Этим же занялся и мальчик. Голова гудела от новых знаний, а глаза слипались от усталости. Но одна фраза Яромира не давала покоя. Действительно, начинать знакомство с обмана было как минимум неприлично. А он если и не обманул, то скрыл одну важную деталь.

– Дедушка Яромир, – окликнул он старика. – Есть еще кое-что, чего я не рассказал тебе.

Тот остановился как вкопанный и уставился на мальчика. Ярик достал из кармана идол Лема и взвесил его на руке.

– Эта фигурка стояла у нас дома столько, сколько себя помню, – Ярик потер пальцами гладкую каменную поверхность. – И никогда раньше я не держал ее в руках. До того, как отец отдал мне ее перед смертью.

Его голос немного дрогнул, но он сдержался.

– Он просил меня сберечь ее. Сказал это очень важно. Словно в ней сокрыт глубокий смысл. И теперь... не знаю, как объяснить, я словно вижу этот смысл. Как будто вокруг нее появилась некая сила, которая притягивает меня. Я вижу ее с трудом, она ускользает от меня, но точно есть. Именно за этой фигуркой охотился этот огненный гигант! Именно за ней он пришел в наш дом.

Яромир задумчиво погладил бороду и тихо пробормотал:

– Как интересно... Любопытно...

Старик подошел к мальчику. Приложив ладони к его щекам, он посмотрел тому в глаза.

– Как ты себя чувствуешь, Ярослав? – спросил он, мотая его головой направо и налево.

– Необычно. Но все хорошо! – поспешил добавить Ярик, увидев испуганное лицо старика.

Яромир кивнул и взял фигурку из рук мальчика.

– Я не вижу в ней ничего особенного, – пробубнил он себе под нос, – самый обычный крестьянский кумир. Разве что сделан из редкого минерала, агата.

– Но тот безумец сжег всю деревню ради него!

Яромир нахмурился и аккуратно вложил фигурку обратно в ладони Ярика.

– Послушай, мой мальчик. Я должен уйти ненадолго. Меня не будет несколько дней. Нужно встретиться с одним старым другом. Твой рассказ открыл мне глаза на многие вещи. Я сильно засиделся в этом лесу и пропустил наступление важных событий. Завтра, когда проснешься, не теряй меня. Я вернусь, как только смогу. И не волнуйся, все со мной будет хорошо. Пообещай, что не выйдешь за пределы моего скромного жилища. Не поднимайся в лес, будь тут, хорошо?

Мальчик поспешно кивнул.

– Вот и славно, – улыбнулся дедушка, положив руку ему на лоб. – На столе лежит скатерть-самобранка. Думаю, ты разберешься, как ей пользоваться. Береги идол. Я вернусь, когда узнаю о нем больше. А теперь, спи...

Место, где он касался лба, вдруг потеплело. Сознание тотчас покинуло Ярика и улетело навстречу сновидениям. Старик заботливо уложил его на кровать и укрыл одеялом.

– Это был весьма занимательный день. Пора расшевелить старые кости! Черныш, будь ласков, охраняй покой нашего юного гостя, – обратился он к коту, лежавшему в ногах мальчика, – не отходи от него ни на шаг.

Тот поднял голову и кивнул, моргнув желтым взглядом на прощание.

Проснувшись незадолго до обеда, Ярик не сразу осознал, что все произошедшее не кошмарный сон, а страшная явь. Он потянулся, привычно ища ногой ступеньку на печи, чтобы ловко спрыгнуть на пол. Но наткнулся на голову кота, смирно сидевшего перед кроватью. Животное умным взглядом изучало своего подопечного. Узкие зрачки-щелочки почти терялись на фоне глаз.

Пощекотав своего охранника, Ярик сел в кровати и огляделся. Старик ушел. В доме было тепло. Пахло травами и пылью. Но в приоткрытое окно доносились прохладные дуновения ветра, развевавшие тканые занавески и заносившие внутрь крупницы снега. Он не помнил, как уснул, словно его вытолкнули из собственного тела. Но чувствовал себя отдохнувшим и полным сил.

Возле кровати кто-то заботливо поставил новые сапоги из кабаньей шкуры, покрытые изнутри мягким кроличьим мехом. И по ноге как раз впору. Вот чего не хватало в холодном темном лесу!

Первым делом Ярик опробовал скатерть-самобранку. Она представляла собой обычное белоснежное сукно, обрамленное красным узором. Мальчик раскинул ее поверх стола, но ничего не произошло. Была какая-то сказка про такую же, но он совсем позабыл, что там происходило, и как работала скатерть. Тогда он задумался над тем, как она устроена, всматриваясь в каждую ее неровность. Вокруг нее вспыхнул золотой ореол. Такой же, как и те, что видел Ярик накануне вечером вокруг предметов во всем доме. Решение пришло в голову само собой.

Взмахнув самобранкой еще раз, он загадал гороховый суп с копченостями. И вот на столе, ароматно благоухая, появился горячий горшочек. Ярик немедленно принялся уплетать чудную

еду. Тем временем кот запрыгнул на дедовский стул и присоединился к мальчику. Он снова уставился на него, помахивая хвостом.

– Тоже хочешь кушать, котик? – спросил Ярик с набитым ртом.

Кот отрицательно покачал головой, отчего ложка выпала из рук мальчика.

– Ты меня понимаешь? – ошарашенно спросил он, кое-как проглотив еду.

– Прекрасно понимаю, юный господин, – учтиво ответил кот.

– Но почему ты молчал раньше? Почему дедушка не рассказал о тебе? – схватился за голову Ярик. Слишком много чудес за раз!

– Не было необходимости, – вильнув хвостом, сказал тот. Кот говорил мудрым поучительным голосом. – Старик велел мне приглядывать за тобой, чем я и занимаюсь.

Оставив еду в покое, Ярик слез с табурета и подошел к коту:

– Так кто ты? У тебя есть имя? Почему ты разговариваешь?

Тот улегся, сложил лапы под себя, и возмущенно посмотрел на Ярика:

– Имя для меня мало что значит, но старик порой кличет меня Чернышом. А ты, видимо, невнимательно слушал Яромира. Он объяснял, что богородными были не только люди, но и животные. Мы тоже помогали устраивать этот мир, видя его шероховатости с уровня, недоступного даже богам.

– А куда ушел дедушка?

– Ты принес недобрые вести, но дал нам...надежду. Яромир отправился искать совета у могущественных созданий, живущих в этом лесу.

Черныш гордо поднял голову. Не переставая молотить хвостом, он не сводил глаз с мальчика, который вернулся в кровать. Лицо того потемнело под тяжестью грусти и тоски. Он сидел, свесив ноги, и понуро смотрел в пол.

– Отчего ты помрачнел, Ярослав? – спросил кот, подойдя к нему.

– Разве ты не понимаешь? – в его голосе слышалось отчаяние. – Огненный воитель сжег моего отца и всю деревню. Лучшего друга убили! А... А маленькую Маню, – на глазах мальчика выступили слезы, – забрали эти дикари! А еще тут богородные звери. И я один не умею ничего! Я убегал от них, как цыпленок от топора. Даже мой дрянной лук, и тот утонул в проклятом болоте!

Ярик спрыгнул с кровати. Пытаясь дать выход негодованию, он в сердцах пнул новые сапоги. Те разлетелись кто куда и уныло распластались по полу.

– Послушай меня, Ярослав, – спокойно произнес кот. – В нашем мире бывали люди, обделенные божественным даром, которые меняли ход самой истории. Все зависит от человека, от того, какие цели он ставит, и как упорно к ним идет.

– Но что можно противопоставить таким, как вы? – гневно воскликнул мальчик. – Я не умею поджигать целые степи мановением руки! Не могу передвигать камни, как Яромир! Ни морозить всех вокруг, ни пускать ветра!

Черныш рассмеялся:

– Огнем, может, я и не владею, но «пускать ветра могу», так же как и ты! Наш старик особенно хорош в этом деле.

До Ярика дошел смысл сказанного и он, сквозь слезы расхохотался. Это помогло немного успокоиться и взять себя в руки.

– Ярик, все проблемы можно решить, – продолжил Черныш. – И как бы ни приходилось плохо, всегда можно отыскать новый путь. Ведь темней всего перед рассветом, это всем известно, – кот прикрыл глаза и лизнул лапку. – У тебя больше нет лука? Так сделай новый. За домом растет прекрасная черемуха, с толстыми крепкими ветвями. Смастери себе лук и начинай упражняться в стрельбе, если ты в этом хорош. Заодно займешь себя!

Мальчик кивнул и принялся собираться. Он подобрал раскиданные сапоги, нашел отцовский ножик, подпоясал кафтан. Грозным препятствием выступила тяжелая дверь. С огромным

трудом Ярик отворил ее и попытался выйти из дома. Мешало снежное одеяло, что укрыло всю поляну. И пускай зимний холодок едва чувствовался, вчерашнего весеннего тепла сильно не хватало.

Вместе с котом они обошли вокруг дома, укрытого снежной шапкой. Ярик пробирался через свежий рыхлый снег, оставляя за собой длинные размашистые следы. Оказавшись у дерева, Ярик поднял голову, изучая его:

– Да-а...

– Что-то не так? – полюбопытствовал сидящий на снегу Черныш.

– Мне понадобятся инструменты, много жира, – перечислял Ярик. – А еще, порядочно воды и лохань, чтобы вымочить лук. К тому же у нас нет печи, придется выкручиваться и развести огонь прямо во дворе.

– Ты много знаешь об этом, – мигнул кот. – Тебя кто-то научил этому?

Ярик опустил взгляд себе под ноги.

– Мой отец, – тихо сказал он. – Я видел, как он делает турлукский лук. Таким пользуются степные кочевники. И я всегда мечтал о таком.

– Значит, теперь ты его сделаешь, – подбодрил Черныш. – А я помогу тебе во всем. Не забывай про самое важное: у тебя есть скатерть-самобранка!

– И верно, – улыбнулся Ярик. – Ну, за работу.

Работа над луком заняла почти неделю. Снег за это время успел сойти и выпасть снова. Овощи в огороде пожухли и пропали. «Вот Яромир расстроится», – думал Ярик. С его уходом словно ушла и необычность этого места. Только внутри дома неведомым образом сохранялся огонек тепла и радости посреди заснеженного леса.

В закромах у старика нашелся небольшой топор, старинного вида рубанок в виде деревянной колодки и стального лезвия, ржавое долото, выдавшее, наверное, еще времена до Раскола и несколько видов молотков и киянок. В дело пошло все.

Для лука Ярик выбрал добротный черемуховый сук. Расколов его ровно посередине, он избавился от сырой сердцевины и хорошенько прошелся по нему ножом и рубанком, придавая заготовке идеальную гладкость. Черныш показал, где за домом в хлипкой сарайке стояла бадья с металлическим дном. Ярик утащил ее в дом и наполнил родниковой водой, кувшины с которой поставляла ему скатерть-самобранка. После чего бросил туда будущий лук на день и ночь, чтобы тот как следует отмок.

Следующим шагом стало изготовление шаблона, при помощи которого Ярик придавал луку форму в виде буквы «М», совсем как у оружия кочевников. Их луки били на сотни метров и отличались тем, что выпущенные ими стрелы долго сохраняли убойную силу. И, несмотря на долгий процесс изготовления, были просты в использовании и служили долго и верно. Шаблон он выточил из толстой доски, которую оторвал прямо от облицовки дома.

Наблюдавший за мальчиком Черныш, в этот момент задумчиво отвел взгляд в сторону, изучая пролетающих в вышине птиц.

Наступил черед самой трудной части работы. Лук требовалось нагреть и размягчить таким образом, чтобы дерево могло принять необходимую форму. Отец показывал Ярику, как создать паровую баню, для чего он кипятил воду на печи. Положив сверху над паром свои изделия, он накрывал их тряпкой. Немного погодя, деревянную заготовку можно было снимать и прикладывать к шаблону. В этот раз пришлось импровизировать, ведь спрятанной печи в дедовском сарае не оказалось.

Как и ожидал мальчик, дров у старика тоже не нашлось. В компании кота, вооружившись дедовским топором, Ярик отправился на вылазку в лес. К поверхности вела узкая ступенчатая тропа, продолбленная прямо сквозь скалу. Жутко неровная, и порой крутая. Подъем оказался непрост и опасен. Ступени утопали в снегу. Ноги так и норовили соскользнуть. Для Черныша

же это не оказалось препятствием. Он грациозно прыгал по ступеням и подбадривал юного спутника.

На выбравшегося наружу Ярика обрушились звуки леса. Шум ветра, шорох снежного песка, скрипы деревьев, крики одиноких ворон. Снега возле скалы почти не было. Там, где кончалась прогалина, и начинались крепкие рукопожатия сосновых ветвей, еще виднелась стылая земля, вся в желтых иголках и шишках.

В поисках хвороста и подходящих для скорой растопки тонких деревьев, Ярик отправился вокруг расщелины. Эта часть леса была занята вековыми соснами, под которыми почти ничего не росло. Пришлось отправиться южнее, где располагались шумные березовые рощи. Он не помнил, откуда именно прибежал, когда за ним гнались дикари. Но местность начала подниматься все выше. Поднимались и сугробы. Здесь снега падало так много, что даже зверье не успело протоптать тропинок.

Путь вывел их на вершину оврага, когда Ярик почувствовал странный запах. Тошнотворный, и в то же время приторно-сладкий. Чем выше они с Чернышом поднимались, тем сильнее и забористей он становился. Ярик снял с плеча топор и поднял его повыше, на всякий случай. Но это было лишним. На вершине, в самых ужасающих позах, пронзенные острыми кривыми ветвями, застыли трое дикарей. На голове у одного из них был надет стальной шлем, украшенный высушенной детской головой. Его тело было проткнуто ветвями окружающих кустарников и деревьев. Остальные захватчики, укутанные хитросплетениями корней, были зарыты в землю по пояс.

Неведомая сила остановила преследователей и не дала им догнать мальчика. Ярик хмурым взглядом покосился на кота:

– Ты знаешь, что с ними? Кто их убил?

Не посмотрев на спутника, Черныш тихо ответил:

– Кто ходит по лесу Яромира с дурными помыслами, не выходит из него никогда.

Ярик кивнул. Этого ответа он и ждал. Видимо, старик прознал о его бегстве еще задолго до того, как он свалился к нему в огород.

Аура воителя в шлеме вдруг вспыхнула вокруг его останков. Сначала она была черна как ночь. Но в следующий миг ее окропили языки темно-зеленого пламени. Она пульсировала, как сердце. Ее ритм завораживал и манил Ярика. Под ложечкой засосало, будто он ужасно голоден. Будто не ел всю жизнь. Огонек пугал и притягивал, и сопротивляться его зову не было сил. И не хотелось. Хотелось коснуться его, забрать себе, убаюкивать и утешать, как ребенка.

Ярик сглотнул и подошел вплотную к телу дикаря. Его растерзанное лицо смотрело на мальчика пустыми глазами и молило забрать огонек с собой. Оно как будто шевелилось, предлагая окунуть руки в таинственный сгусток света.

– Ты видишь это? – спросил Ярик.

– Что вижу? – недоуменно мяукнул Черныш. – Трупы, ветки...

Но Ярик уже не слышал приятеля. Он протянул руку.

Аура обволокла пальцы и обдала его ледяными волнами. Загадочная дымка медленно стекла в ладонь и впиталась под кожу. По всему телу пронесся озноб, резкий, пугающий и бодрящий, будто кто-то выплеснул на него ведро ледяной воды. Перед взором витало черно-зеленое пламя. Огни сплетались между собой как черви на дне полыхающей сковороды. Весь мир пропал. Остались только они. Таинственная сущность шныряла по венам, остужала кровь, пробиралась в мысли, и наконец нашла себе пристанище. Прямо под сердцем.

– Ярослав? – окликнул кот, ошетинив мех и выгнув спину. – С тобой все в порядке? Ярик!

Наваждение прошло. Мальчик вновь обрел контроль над собой. Он так и стоял, вытянув руку к высохшему трупу дикаря. Как долго он так простоял? Пытаясь выкрутиться из ситуации, он потянулся и снял с пояса дикаря флягу с горючей жидкостью.

– Я просто... Просто задумался, – ответил он, тряхнув добычей перед котом. – Этой штукой они облили тело своего воина, отчего тот вмиг загорелся. Думаю, пригодится.

Судя по взгляду, этот ответ не устроил Черныша, но вопросов он задавать не стал. Ярик тем временем шел дальше, обдумывая случившееся. Он все еще ощущал под сердцем ледяной огонек, отнятый у убитого чужака. Тот приятно охлаждал душу, хоть и внушал беспокойство.

После ночи, когда состоялся разговор с дедушкой, в нем и правда что-то изменилось. Пропала пелена, мешавшая видеть мир. Замечать истинную суть вещей. Но это получалось само по себе. Он даже попробовал найти ауру у ближайшей сосны, но ничего не вышло. Творилось нечто странное. Но хуже всего, что сама мысль рассказать об этом Чернышу или Яромиру, внушала страх и тревогу.

«Пока ничего страшного не произошло», – успокаивал он себя.

Тем временем начался березовый подлесок. Ярик выбрал подходящие деревья и стал орудовать топором. Черныш залез на высокий сугроб, наблюдая за окрестностями. Проработав несколько часов, мальчик, наконец, остался доволен получившейся горой стволов и березовых веток. До темноты он таскал поклажу, скидывал ее с края ущелья прямо в дедовский огород. А потом еще до ночи укладывал кострище для водяной бани.

День выдался трудным и необычным. Руки и ноги, не привыкшие к такому труду, гулко ныли. Холодок внутри все так же тихо горел, вызывая множество вопросов. Выпросив сегодня у скатерти жареный телячий бок и чарку кваса, Ярик быстро перекусил и улегся спать, усталый, но счастливый. Честный тяжелый труд всегда приносит радость, когда дело спорится.

Новый день выдался не легче. Ярик заранее вынес на улицу шаблон, несколько кусков бечевки, тряпочек и покрывало, и разжег костер. Чтобы огонь занялся сильнее, пришлось выплеснуть на сырые дрова содержимое фляжки дикаря. Синее пламя взметнулось к небу и обдало жаром округу. Но вскоре жидкость прогорела, оставив после себя радостно танцующее пламя. Водрузив на него бадью, Ярик наполовину заполнил ее водой и дождался, пока она закипит.

Затем он разместил над водой лук, чтобы обильно исходящий пар, как следует прогрел и размягчил древко, и укрыл его сверху покрывалом. Хитрость в том, чтобы вложить мягкое податливое дерево в шаблон как можно скорее, пока оно не остыло. Затем останется лишь привязать к нему древко, да закрепить его в такой форме.

Прошло не меньше часа, прежде чем Ярик закончил. И хотя дерево размягчилось, придать ему нужные контуры оказалось тяжело. Приходилось чуть ли не садиться на древко сверху, в попытках прогнуть его, как нужно. Наконец, последний узелок был завязан и будущий лук сцепился с шаблоном мертвой хваткой.

Бадья уже начинала заниматься огнем, и убирать ее было поздно. Ярик использовал оставшуюся горячую воду, чтобы отмыться от пота и грязи.

Осталось дело времени. Два-три дня луку нужно просохнуть и окрепнуть в новой форме. Пока можно заняться тетивой. Для ее изготовления не годилась обычная бечевка. На выручку пришел Черныш. Он копался, зарывшись с головой, в рухляди старого Яромира, пока не извлек целый моток нити. Зеленоватого цвета днем, в ночной тьме она горела едва заметным прозрачным огоньком. При этом была тонка и прочна как металл.

Обрадованный такой находкой, Ярик немедленно принялся сооружать тетиву. Нож едва брал эту нить, приходилось рубить топором.

– Из чего она сделана? – взмахивая топором, негодовал мальчик.

– Эта нить из жил туунбака, редкого животного, живущего у подножья Поднебесных гор, – объяснил ученый кот. – Внешне он похож на медведя, только во много раз крупнее и свирепее. В свете луны Плеи, их тела сияют бледным зеленым светом, – он с грустью вздохнул. – Их почти не осталось в этом мире. Тетива из такой нити точно не намокнет под дождем.

– Откуда же взялась эта? – указал он на лежащий у ног моток.

– Яромир добыл ее во время странствий, очень и очень давно, – опустил голову Черныш. – Мы еще не были знакомы.

– А когда вы познакомились?

– Еще до Раскола, – небрежно махнул хвостом кот.

– До Раскола? – Ярик бросил свое занятие, и, отложив топор, подошел к коту. – Ты хочешь сказать, вы с Яромиром живете дольше тысячи лет? Этого не может быть!

– Такова участь богородных, – безучастно ответил Черныш, не понимая, чему тут можно удивляться. – Некоторые проживают лишь века, другие дольше. Мы смертны, но от старости мы умираем редко.

Теперь Ярик понимал, почему дедушка так живо описывал события сотворения мира. Он был их участником! Немыслимо! Придумывая новые вопросы Яромиру, мальчик растянул нить между кроватью и тумбой, создав в ней изрядное напряжение. Выбрав середину, он обмотал ее, создав место для прихвата стрелы. Теперь тетива точно не протрется, и стрелять будет гораздо удобнее. Скоро лук будет готов!

Следующие дни прошли в ожидании сушки древка. Ярик занимал себя чтением похабных стишков старика, изучал фолианты на незнакомых языках, с любовью нарисованные карты. На одной из таких он обнаружил Темный лес. Надписи были сделаны непонятными рунами, но судя по расположению степей и болот, это явно был он. Лес был вправду огромен. Он протянулся на сотни и сотни верст, с востока на запад. Возможно, что он был древнее самого Великого Раскола.

Кое-что привлекло внимание Ярика. На карте, в самом центре леса была нарисована фигура волка и значок дерева. Похожих рисунков оказалось множество. Среди них, на севере возле одной из гор изображались медведь и лось, южнее, среди протяженных горных хребтов вырисовывалась какая-то треглавая рогатая тварь, на западе, на территории водной глади угадывался стертый образ огромной каплевидной рыбы.

«Возможно, это тоже богородные, – решил Ярик. – Если составитель этих карт Яромир, то он мог видеть или даже знать их всех».

В остальные дни Ярик изготавливал стрелы, для чего сорвал с задней стены дома еще несколько досок. У своей помощницы скатерти-самобранки он выпросил несколько ястребиных тушек. Их маховые перья отлично подходили для стрел, а острые клювы и когти сгодились для создания наконечников. Из остатков досок он сколотил легкий, но объемный колчан, совсем как у кочевников, и обтянул его темной кожей какого-то существа, которую нашел в доме Черныш.

На исходе недели с момента ухода старика, настал день, когда Ярик решил продолжить изготовление лука. Тот уже свободно болтался в форме-шаблоне, достаточно просохнув и окрепнув. Сперва мальчик вооружился долотом, и выточил пазы для тетивы. Затем скатерть принесла ему миску горячего топленого утиного жира, которым он хорошенько обмазал древко. С такой пропиткой лук мог не бояться воды, как и тетива из жил туунбака. Когда сало высохло, Ярик закончил последние штрихи произведения, обмотал нитью часть древка, создав нечто вроде рукояти, и привязал тетиву.

На шедевр пришел поглазеть даже Черныш:

– Честно сказать, я ожидал, что ты выстрогаешь какую-нибудь рогатку из веточки, Ярослав. А ты сделал лук не хуже, чем заправский мастер!

– Не смотри на то, что я еще мальчик, – горделиво ответил Ярик. – Да, я мал, но видел, как делают луки десятки раз. И свои луки я тоже делал сам. Хотя, признаться, – вполголоса добавил он, – я и сам не ожидал, что у меня выйдет. Такой сложный лук я делал впервые.

Он взял новое оружие. Лук вышел немного длиннее, чем хотелось бы, и уж точно больше того, что сгинул на болотах. Но Ярик не сомневался, что справится. Подвесив за спину колчан, он поманил кота за собой во двор. Там откопал из-под снега замерзшую тыкву и водрузил ее

над прогоревшей бадьей. Получилась вполне добротная мишень. Отойдя на сотню шагов, он достал первую стрелу и приготовился к стрельбе.

Ярик всегда делал так, как научил отец. Годы одиночества, проведенные в охоте на степную живность, отточили мастерство стрельбы. Умение отринуть мысли и эмоции ради цели, помогало сосредоточиться на выстреле. Пережитые потери и испытания внушали стойкость и решительность.

«Стрельба – это не просто бой. Это бой с самим собой, – говорил на самом первом уроке отец, – Победи себя и свое волнение. Гони все мысли прочь! Задержи дыхание на выдохе и смотри только на стрелу. Не жди выстрела. Чувствуй, куда она летит».

И он чувствовал.

Выстрел произошел почти незаметно. Тыквенная голова разлетелась на куски, раскидав морозную кашу по двору. Стрела пробила ее насквозь и вонзилась в оконную раму, в сантиметре от стекла.

Черныш сидел, не в силах поверить в увиденное. Юный подопечный поразил древнего кота до самой глубины души. Ярослав же не выказал ни капли эмоций. Он достал следующую стрелу.

Накануне битвы

Это продолжалось несколько дней. То трясло и знобило, то кидало в жар и обливало дождем пота. Горячка достигла пика еще в день жестокой расправы, и продолжалась еще день и ночь. Все это время Маня не спала, лишь бессильно стонала, пытаясь выпутаться из клубка перепутанных мыслей и образов. Сквозь бред она видела обеспокоенное лицо Гэй лы, которая тратила всю приносимую им воду, в попытках промыть ее раны. Но от этого становилось только хуже.

Недавний снегопад оставил в лагере белые холмы сугробов. Вслед за ним пришли холода. Многие пленники, уснув ночью, утром уже не просыпались. Маня и чужеземка ютились под вонючей шкурой, грея друг друга своим теплом. Дни проходили в борьбе с лихорадкой, которая решительно захватывала разум израненной девочки.

На исходе третьего дня в углу клетки померла безумная бабка. Последние часы жизни она смеялась, как ненормальная и посылала проклятия всем вокруг. Даже охранявшие рабов гхануры не могли ее успокоить. Бабка терпела все щедро выдаваемые ей плети, но не замолкала. Придя в этот раз, стражники с облегчением вздохнули и забрали ее костлявое тело для сожжения.

Наутро шестого дня Маня, наконец, начала приходить в себя, и осознанно разговаривать. Она жадно съела все хлебные корки, что припасла для нее Гэй ла и выпила остатки гнилой воды.

– Тебя опять принесли ни живую, ни мертвую, – рассказала ей женщина. – Я боялась, что в этот раз не смогу выходить тебя. У меня не было ни лекарств, ни трав.

– Спасибо, тетушка Гэй ла, – благодарно кивнула Маня, кутаясь в шкуру. – Я бы пропала без тебя.

– Ты сильная девочка, – улыбнулась та, подсаживаясь поближе. – Ты справились с этой хворью. Хотя другие раны еще нескоро заживут.

Маня разглядывала сугробы вокруг клетки. Снег расчистили только там, где это было необходимо, но снующие туда-сюда рабы и солдаты натоптали собственные дорожки. В лагере царило оживление. Было видно, что некоторые палатки и юрты свертываются. Бойцы носили оружие и ящики с провиантом наравне с рабами. Орда собиралась в путь.

– Мы куда-то уходим? – спросила она у женщины.

– Да. Я видела такое слишком часто, – подтвердила ее догадки Гэй ла. – Посланник не сидит на одном месте дольше месяца. Он гонит свое воинство на запад, грабя и вырезая все, что попадется на пути. Правда в этот раз, все немного иначе.

– О чем ты?

– Посланник руководит своей армией, опираясь на помощников, дайчинов. Один из них, самый хитрый и беспощадный, дайчин Хань ло, – гневно сплюнула женщина, – выступил несколько дней назад с большим отрядом на север. Все гхануры обсуждают это. Я слышала их разговоры.

– И никто не знает зачем?

– Не удивляйся, что обычных воинов не посвятили в замыслы Посланника. Они живут по законам военного времени. Только вождь и его дайчины знают правду.

– Что же может быть на севере? Какой-нибудь город? Деревня?

– Мне известно, что скоро вся Орда выступит в поход на крепость, к западу отсюда. А на севере находится древний лес. Там мало кто живет. И там точно нет крупных городов.

Маня призадумалась. Ярик убежал в сторону леса. Но Посланник сказал, что убил его! Какой вообще смысл гнаться за мальчишкой? Из-за этой фигурки? Что-то здесь явно не сходилось. Девочка пока не могла понять, что именно.

– Кто такой этот Хань ло? – посмотрела на женщину Маня.

– Это подлый предатель, замучивший собственный народ! – процедила сквозь зубы Гэй ла. – Он был сыном воинского клана и правителем Як'Хара много лет, и постоянно принимал странные необоснованные решения. Вводил новые налоги на продажу Пыли. Ввел сборы с чужеземных покупателей. Ослаблял наше ополчение, делая службу невыносимой. Нашу провинцию точно ждал бы упадок, если бы маргрум не цвел круглый год.

Он зло потеряла руки, заново переживая неприятные моменты.

– Около десяти лет назад гхануры начали постоянные набег, унося с собой не только запасы Пыли, но похищая женщин и детей. А потом и мужчин со стариками. Но Хань ло сидел сложа руки и не собирался давать отпор. Он копил деньги и власть! И однажды настал день, когда Орда Посланника явилась к воротам Як'Хара, нашего чудесного города. Они убивали на своем пути всех, кто пытался выступить против. И этот червь просто впустил их в город и встал под пламенные знамена. Меня радует лишь то, что кто-то во время боя в твоей деревне изрядно подпортил его поганое лицо, будто его истоптала бешеная лошадь. Теперь он выглядит так, как и положено предателю.

Она опустила взгляд, и сидела так долгое время. Маня не знала, что сказать и чем утешить свою спасительницу. Она просто прижалась к ней, вспоминая свой дом.

Немного успокоившись, Гэй ла стала расспрашивать девочку о разговоре с вождем. Маня пересказала события их ужасной встречи, в красках описав ту обиду, что затаилась в ее душе.

– О какой фигурке он хотел узнать? – любопытствовала женщина.

– В том то и дело, что я не знаю! – воскликнула Маня. – Он избил меня за то, чего я даже не видела. Якобы, у моего Ярика или его отца был какой-то идол. Ну и что? Таких идолов наш гончар Ванька делал сколь угодно! Стоило только попросить. У нас с бабушкой даже стояла деревянная фигурка богини Рады.

– Но чем может быть особенен тот, что хранился у твоих друзей?

– Я совсем не знаю, тетушка Гэй ла, – грустно ответила девочка.

Они сидели так, пока полуденное солнце не пробилось сквозь кустистые облака. К их клетке подошло двое стражников. Они привычно принесли несколько хлебных корок и воды. Один из них подозвал к себе Гэй лу и долго о чем-то расспрашивал. Та шипела на их наречии вполголоса и активно жестикулировала, словно спорила с ними.

Закончив переговоры, надсмотрщики удалились в лагерь. Гэй ла вернулась к девочке и сообщила ей новости:

– Посланник хочет атаковать крепость Небославль. Это территория Родии, так что теперь их ждет бой с настоящей армией. Всех рабов Орда берет с собой. Мы едем на войну.

Желудок словно провалился под землю. Маня уже успела познакомиться с войной. Это страшная резня, в которой нет места надежде на спасение. Есть только кровь и огонь. Но это были еще не все вести.

– Маня, тебя... забирают, – нерешительно сказала женщина. – Сегодня.

– К-как? Куда? – растерянно округлила глаза девочка.

– Ты станешь личной рабыней одной из мхаграев Посланника, – не сразу ответила Гэй ла. – Будешь жить в его палатке, делать за него всю грязную работу. Мыть его, чистить оружие и одежду, менять ночное ведро. И если понадобится... делать все, что он прикажет.

Губы Мани затряслись. Кровь отхлынула от лица. На нее накатывали волны слез. Она не понимала и половины из всего сказанного Гэй лой.

«Тебя забирают».

Мысли, все до единой, просто выпорхнули из головы и разлетелись маленькими птичками на свободу, оставив ее одну в вонючей рабской клетке. Это было похоже на конец. Конец всего, всей жизни. Неужели ей придется быть в неволе до самой смерти. Девочка зарылась в колени, содрогаясь от рыданий.

Женщина обняла ее за плечи и попыталась успокоить.

– Не вешай нос, девочка, – улыбнулась она, – в этом есть и свои плюсы! Ты будешь питаться объедками с его стола, а это лучше чем гнилые корки. Заниматься придется не самой приятной работой, но уж это всяко лучше, чем участь других рабынь. Да и спать в палатке у очага явно теплее, чем в голой клетке под морозными ветрами.

– Лучше мерзнуть тут с тобой, чем быть с этими извергами! – сквозь слезы просипела Маня.

– Мой тебе совет, учись всему, что увидишь, запоминай все, что услышишь. Попробуй выучить их язык, ведь как-то придется общаться с новым хозяином. Самое главное, – она серьезно посмотрела ей в глаза, – не нарывайся на наказание. Будь вежлива и раболепна. Называй его хозяином и не спорь с его приказами. А если попытаешься бежать...

– То что? – подняла красные глаза девочка.

– То пеняй на себя. Беглецов убивают на месте.

Маня снова зарыдала и еще долго не могла успокоиться. Женщина молча обнимала ее, не в силах утешить горе маленькой девочки.

Перед закатом к клетке подошло трое надсмотрщиков. Двое, уже знакомые им, принесли хлебных корок. Еды было вдвое меньше, чем обычно. Один из них подлил в чашку с застывшей водой еще немного гнилья. Незнакомый воин, на шлеме которого болталась красная кисточка, стоял молча, в ожидании. После, он жестом поманил к себе пленниц и грозно прошипел что-то на своем наречии. Гэй ла повернулась к девочке и коротко объяснила:

– Он пришел за тобой. Теперь я останусь тут одна. Помни все, что я сказала. Будь покорна и уцелеешь.

Она улыбнулась Мане на прощание и горячо поцеловала в лоб. Затем подвела ее к воротам клетки. Один из дикарей застегнул на руках и ногах девочки браслеты, скованные между собой тугой короткой цепью. Ледяной металл больно обжог кожу.

– *Khamal'*, – тихо приказал воин и пошел в сторону лагеря.

– Ступай за ним, доченька, – бросила сквозь прутья клетки Гэй ла.

Взглянув на свою спасительницу в последний раз, девочка засемила по грязной тропинке, пытаясь нагнать конвоира. Цепи на лодыжках здорово мешали идти. Свежий рыхлый снег норовил уйти из-под ног. Пытаясь устоять на ногах, Маня успевала разглядывать лагерь. Почти все стойки с оружием пропали: их уже упаковали на обозы и телеги. Коробы с провиантом и амуницией отправились туда же. Это была последняя ночевка орды в этих краях. Рано поутру все палатки и юрты будут убраны. Начнется финальный марш в сторону темной полосы гор на запад.

Надсмотрщик увел ее на самый край лагеря. Солдатских жилищ здесь почти не было. Немногие постройки и тенты стояли хаотично и разрозненно. В основном тут находились ныне пустующие склады для ящиков с фуражом и конюшни. В морозном воздухе витал крепкий запах навоза и гнилого сена. Маша заметила, как на отдалении от границы лагеря патрулировало несколько воинов, вооруженных кривыми луками и копьями.

Погонщик остановился у входа в скромный шатер. Его грязно-белое полотно крупными волнами трепетало на ветру. Привычного знамени с огненным символом рядом не оказалось. Снаружи шатер выглядел хлипким и ненадежным, но достаточно высоким, чтобы вместить взрослого человека. Изнутри доносился лязг стали.

– *Suidei!* – окликнул воин грубым голосом хозяина жилища. Шум прекратился. Мгновением позже, тряпица, укрывавшая вход, откинулась.

Наружу вышел высокий мужчина. Мускулистый торс отличал его даже от своих крепких собратьев. Пепельно-серая кожа груди и плеч была вся в змейках долгих протяжных шрамов, непохожих на те, что доводилось видеть девочке. От горла и до самого живота, уходя в штаны, растянулась обширная татуировка черного цвета в виде полосы. Длинные матово-

черные волосы ниспадали на его плечи. Лицо скрывалось за ужасающей деревянной маской, выкрашенной в краски белого и красного цветов.

Леденящий душу знакомый каменный голос приветствовал девочку:

– Мы снова встретились, щенок.

Маня с ужасом поняла, что перед ней стоит тот самый дикарь, поймавший ее в степях. Тот самый, что оборвал жизнь храброму Вьюнку. Его противный скрежещущий смех до сих пор стоял в ушах и вызывал горькие и отвратительные воспоминания.

Погонщик передал ему ключи от оков. Кивнув, он удалился прочь. Дождавшись его ухода, убийца снял с лица маску. Узкие черные глаза, близко посаженные друг к другу, впились в девочку холодным взглядом.

– Покажи свое клеймо, – проскрежетал дикарь.

Девочка потянулась к своему тулупу и получила оглушающую пощечину.

– За что? – гневно воскликнула она, прикрывая ладонью место удара.

– Покажи. Клеймо, – повторил он. Дикарь говорил на родском языке свободно, как и Гэйла, с легким певучим акцентом.

После второй пощечины девочка поняла, чего он ждет.

– Да, хозяин, – ответила она, не скрывая в своем голосе отвращения. Она скинула с себя тулуп и приспустила рубаху.

Дикарь удовлетворенно разглядывал грудь девочки. На его лице играла омерзительная улыбка. Его глаза бегали по каждому завитку уродливого шрама, вгрызаясь в него подобно хищной птице.

– Рабское клеймо! – процедил он и, взяв Маню за волосы, втолкнул ее внутрь своего убежища. Влетев туда, девочка рухнула на колени. Она не смела подняться, боясь новых ударов.

Изнутри шатер был укреплен жердями, поверх которых растянулись шкуры животных. Еще одна, скорее всего, медвежья, лежала прямо возле входа. Из убранства здесь были только лежанка, больше похожая на груды старого тряпья, березовый пень вместо стула и низкий складной столик. У входа стоял деревянный таз с водой. Рядом расположилась жаровня с дарующими тепло, слегка чадящими, углями. Никакого сравнения с царственной юртой Посланника эта лачуга не выдерживала. Внимание Маши привлек причудливой формы меч, висевший на стойке. Длинный и изогнутый клинок был спрятан от взора в простых ножнах из гладкого черного дерева. Из ножен выглядывала лишь высокая рукоять, обтянутая внахлест кожаной лентой. У эфеса не имелось навершия, как на мече у отца Ярика. Лишь небольшие серебряные вставки и простая круглая гарда.

Воин уселся на лежанку, царственно развалившись, словно на троне.

– Сними мои сапоги, – небрежно бросил он девочке.

Та сверлила его гневным взглядом и не решалась сделать и шага.

– Мне повторить, деревенский ты выродец?

– Нет, хозяин, простите.

Она приблизилась к лежанке и уселась на колени возле его ног. Снедаемая дрожью, Маня расшнуровала сапоги и с трудом стащила их, небрежно поставив их рядом. От его грязных лап исходил удушающий тлетворный запах. Девочка едва сдержала рвотные позывы. Она отвернулась, пытаясь найти хоть каплю свежего воздуха.

– Вымой мои ноги, – бросил в нее тряпкой дикарь.

– Да, хозяин, – кивнула девочка.

Она подошла к чану с водой и, кряхтя, поднесла его ближе, делая все нарочито медленно. Ну уж нет, доставлять удовольствия этому гаду она не собирается. Погрузив его чудовищные ноги в воду, она медленно, не скрывая отвращения, начала елозить по ним тряпкой, стараясь едва к ним прикасаться.

Хозяин наблюдал за своей новой рабыней спокойным, лишенным эмоций взглядом. Протирая между пальцами, Маня задумалась, что рабов точно не хватило бы на всех воинов. Значит, он получил ее за какие-то заслуги. Наверняка не просто так. Может за то, что поймал ее. В ней закипал гнев. Хотелось кричать. Хотелось выхватить один из ножей, висевших на его поясе, и проткнуть его. За то, что он один из них. Убийца, без капли чести и добра. Выродок!

«Только ты здесь выродок!»

Закончив мерзкое занятие, она протерла стопы дикаря насухо и унесла таз обратно. Встав подле жаровни, она склонила голову, ожидая новых указаний. Ее взгляд заметил лежащий на столе развернутый свиток, с грубо изображенной на ней картой. Но рассмотреть его получше не вышло.

– У тебя есть имя, щенок? – отвлек ее серокожий дикарь.

– Маня! – подняла решительный взгляд девочка.

В нее тут же прилетело что-то тяжелое и больно ударило по голове. Она пошатнулась, едва удержавшись на ногах, и схватилась за голову. Из глаз брызнули слезы.

– Маня, хозяин! – крикнула ошарашенная девочка. – Меня зовут Маня.

– То-то же, маленькая тварь! – прохрипел дикарь. – Маня. Тебя зовут как клопа! Как жалкую мелкую тварь. Грязная рабыня.

Он расхохотался и подошел к столу. Возле карты стояла деревянная тарелка с вяленным мясом. Глянув на свою невольницу, он швырнул ей под ноги кусок.

– Ешь. Завтра тебя ждет тяжелый день.

Девочка не шевельнулась. Она смотрела перед собой отрешенным взглядом, представляя картины расправы над изувером.

Новый удар, на этот раз кулаком настиг ее живот. Маня упала на колени, хватая воздух. Из глаз побежали новые капли слез.

– Жри, смердящая ты тварь! – процедил воитель. – Жри или останешься без еды вообще. Я выбью из тебя твою дерзость.

Девочка без лишних слов подобрала трясущимися руками жесткое жилистое мясо и жадно отправила его в рот. Дикарь с любопытством наблюдал, словно не знал, как с нею поступить. Едва она кончила жевать, он поднял ее за цепи, сковывавшие руки и пристегнул еще к одной, возле входа. Она, словно короткий поводок, не позволяла девочке отойти и на пару шагов от стального клина, вбитого промерзшую землю. Сам воин снова развалился на своем лежаке. Достав из-за пояса кинжал, он принялся полировать черный металл куском сукна.

– Эй, соплячка, – крикнул он, не отвлекаясь от своего занятия. – Развлеки меня. Расскажи что-нибудь.

– Что вы хотите услышать, хозяин? – неуверенно отозвалась Маня, сбившаяся в комочек на шкуре. Живот горел, ее сгибало пополам. Слезы капали и капали, и Маня была бессильна их удержать. Кое-как извернувшись, она подползла поближе к углям настолько, насколько позволяла цепь.

Дикарь недоуменно перевел на нее взгляд:

– Придумай сама! Иначе будешь ночевать на улице.

Маню передернуло от его резкого тона, и она выпалила первое, что пришло в голову:

– А у вас есть имя, хозяин?

Тот явно не ожидал такого вопроса.

– Зачем тебе знать его, падаль, – разъяренно рявкнул дикарь и вскочил с места.

– Простите хозяин, я просто хотела познакомиться с вами. Тот воин сказал Суйдей. Так вас зовут? – к удивлению самой девочки, спросила она.

Серокожий в мгновение ока оказался возле Мани, подставив свой клинок ровно туда же, где не так давно оставил след Посланник.

– Не смей произносить это имя вслух своим грязным ртом, раб! – прорычал он ей в ухо
– Лучше заткнись и спи. Завтра мы уходим.

Дав ей пощечину, он бухнулся на лежанку и отвернулся к стене. Испуганная девочка поняла, что чуть не пересекла опасную черту. Проклятый убийца. Истязатель. Она ненавидела его. Ненавидела их всех. Ей хотелось сжечь это место. Слышать, как горят дикари. Придумывая новые способы расправы над ними, она свернулась калачиком на грязной шкуре и забылась неровным беспокойным сном.

Пробуждение выдалось более ранним, чем она надеялась. Солнце даже и не думало еще всходить, а мирно спало за горизонтом. Суйдей, если так его звали, пинком разбудил пленницу и бросил возле нее тряпье и небольшую шкуру.

– Одевайся, мы выступаем, – коротко сказал он и снял с нее стальные оковы.

Маня лихорадочно принялась перебирать тряпки. Среди них нашлись великоватые брюки, которые девочка натянула поверх рваных чулок и подпоясалась короткой веревкой. Под тулуп она надела некое подобие мальчишеского жилета. А перемотанные портянками ступни сунула в старые кожаные сапоги. Из подгнившей вонючей лисьей шкуры вышла прекрасная накидка. Голову Маня обернула, словно платком, старой рваной рубахой. Теперь она была готова к долгим зимним переходам.

Дикарь тем временем примерил на себя необычно скроенную кожаную куртку до пояса, отороченную мехом и высокие унты. Маска снова покрыла его лицо. Кинжалы заняли привычное место на поясе. За спину Суйдей закинул походный мешок и короткий тугой лук с закрытым колчаном. Последним он взял в руки таинственный меч. Нежно, как девушку, он обхватил ножны и повесил оружие на плечо. Мужчина смерил взглядом девчонку и сковал ее руки браслетами. Цепь на этих была много длиннее и не так сильно мешала движениям.

– Идешь за мной. Молчишь, пока тебя не спросят, – давал он указания Мане, пристегивая к поясному ремню маленькие глиняные шарики на подвязке. – Отстаешь, получаешь пинка. Идем пешим ходом. Выметайся!

Он стремительно покинул жилище и отправился прямо к краю лагеря. Чтобы поспевать за ним, Мане приходилось бежать. В ночной темноте горел лишь один факел, света которого едва хватало, чтобы разбирать дорогу. Девочка бежала, следя за дыханием, надеясь, что эта гонка продлится недолго.

Лагерь не торопился просыпаться. Казалось, никто не спешит к предстоящей битве. Но скоро палаточный городок исчезнет, оставив после себя грязный истоптанный луг. Маня не понимала, что происходит, но в одном была уверена точно: они в грядущей битве почувствовать не будут.

Их путь пролегал по заснеженному полю. Ночь все никак не отпускала солнце на волю, отчего приходилось прыгать по следам Суйдея, в надежде не свалиться в невидимую яму. Довольно быстро лагерь остался позади. Его редкие просыпающиеся огни потускнели и, вскорости, совсем исчезли. Девочка гадала, куда они направляются. Отвратительный убийца ни разу не повернулся к ней, беспрестанно высматривая дорогу вперед. Но бежать от него явно не было смысла. В голом поле он настигнет ее в два счета.

Она приноровилась к его темпу и даже заметила, что он немного замедлил шаг. Прорываться сквозь небольшие, но бесконечные сугробы было довольно тяжело. Оба путника разгорячились и изрядно вспотели. Хвала богам, зима только вступала в свои права, и еще не принесла лютые морозы. Однако щеки и нос у девочки здорово покраснелись, а пар от дыхания покрыл ресницы инеем.

Ближе к рассвету они миновали долгое поле.

«Солнце выглянуло слева, значит, мы идем на юг, – думала девочка. – Но куда же он ведет меня?»

Местность сменилась холмами с редким невысоким молодым лесом. Воин решил, что пора сделать привал и подыскал подходящее место: окруженную булыжниками поляну. Он голыми руками свалил ствол молодой березки и приспособил его вместо сидения. Казалось, Суйдей совсем не замерз под своей маской. Сейчас, в холодном утреннем свете, она не выглядела такой ужасающей. Обыкновенная дурацкая деревяшка. Девочка начинала потихоньку успокаиваться, но молвить и слова она по-прежнему не решалась.

Дикарь открыл свою сумку и достал пару полосок вяленого мяса. Одну из них он бросил в сторону Мани. Та умудрилась ловким движением скованных рук поймать его на лету и тут же отправить в рот. Из-под маски донесся одобрительный смешок. Сняв ее, он спросил:

– Ты все молчишь? Быстро учишься. Может из тебя и будет толк.

– Да, хозяин, – на всякий случай брякнула девочка, косясь на него исподлобья. Получить пощечину по замерзшему лицу ей не шибко-то хотелось.

– Объясняю только один раз. Пока воинство направляется к городу, мы с тобой идем в обход, – он ткнул пальцем в сторону их движения. – Ты поможешь мне кое с чем, и если все пройдет как надо, я оставлю тебя в живых и сниму оковы. Если подведешь меня, я вернусь в лагерь с твоей головой.

Девочка тихонько кивнула, проглотив кусок мяса.

– Детали узнаешь, когда доберемся.

Покончив с едой, они продолжили путь. Приближавшийся к зениту солнечный диск, остался за спиной. Светило погрузилось в кутерьму облаков, отдав землю во власть полумрака. Они спустились с холма и попали в объятия невысокого леса. Приходилось продираться сквозь заросли ухабистого подлеска. Это было труднее, чем пробежка по полю, но деревья надежно укрывали их от чужих глаз. Если бы кого-то занесло в эти забытые Богами места.

Воинство Пекла должно было уже выступить. Судя по всему, серокожий вел девочку к Небославию, куда к ночи должна была поспеть остальная армия. Значит, битвы не избежать. Сердце забилося сильнее от осознания предстоящей встречи со своим самым большим страхом. И Суйдей явно хочет, чтобы она сыграла какую-то роль в предстоящем сражении.

Взяв себя в руки, Маня ускорила шаг, чтобы догнать оторвавшегося дикаря. Размышления привели ее в новое русло. Кем был этот странный воитель? У него не было топоров или копий, как у других. Лишь странный изогнутый меч. Он не маршировал в стройных рядах с остальными солдатами. Сейчас он шел отдельно ото всех, чтобы претворить в жизнь хитроумный план. Во время атаки на деревню он тоже каким-то образом успел пресечь их с Яриком побег, словно уже сидел в траве и ждал исхода битвы отца мальчика с Посланником. Может он дайчин, один из военачальников Орды? Но нет. Как там говорила Гэй ла? Ее новый хозяин – мхаграй Посланника. Какой-то особенный воин? Спросить об этом Маня не решалась.

Тем временем молодой лес сменился кустарником, что облепил зарослями невысокие холмы и овраги. Приходилось вилять между ними в поисках надежного пути. Одинокие желтые листки, чудом не опавшие на исходе осени с ветвей, трепыхались на ветру, словно стяги позаванного воинства. Сами ветви обросли иголками снега, которые придавали кустам вид древних старцев. Маня успевала наслаждаться их видом, в попытках отогнать прочь мысли о неизведанном задании, которое ей скоро поручат. И о своем «хозяине». Суйдей все так же шагала вперед, молча и невозмутимо продираясь сквозь снег.

Его упорством и серьезностью нельзя было не восхищаться. Он словно несокрушимая скала, ломающая все преграды на своем пути, преследовал свою цель. И окруженная прекрасным, но несущим смерть зимним пейзажем Маня, не могла положиться ни на кого, кроме, как на отвратительного надсмотрщика. Одна она точно сгинет в этом неприветливом краю.

Висевший вдали темной полосой горный хребет становился все ближе. Верхушки снежных пиков с каждым шагом возносились все выше к облакам. Солнце уже стремилось к

закату, и сумерки постепенно накрывали снежную гладь, когда Суйдей молча подал знак Мане укрыться среди снегов. Он зарылся в сугроб и посмотрел на девочку.

– Впереди дорога. Нельзя, чтобы нас заметили. Они точно знают, что к ним движется войнство, и наверняка здесь ходят конные разъезды. Если поймают, – сказал он, задрав маску, – убьют и меня, и тебя. Сейчас для них мы оба враги. Хочешь жить – делай как я.

– Да, хозяин, – кивнула девочка.

– Наша цель – вон та гора, – он ткнул в самую крайнюю громаду скал. – Сразу за ней находится крепость. Мы должны добраться туда тихо и незаметно. Но сначала нам надо пересечь тракт и затаиться с той стороны. Посмотри.

Он выглянул из укрытия и показал на березовую рощу, начинавшуюся по ту сторону дороги.

– Когда я скажу, побежишь к деревьям что есть духу. Не отвлекайся ни на что. Слушай внимательно мои команды. Сказал, прячься – найди укрытие. Сказал бежать обратно – беги сюда. Ты все поняла?

Девочка согласно закивала. Ненависть к захватчику уступила место закипавшему волнению. Руки задрожали. Заметив это, Суйдей снял с нее оковы и убрал их в мешок. Оценив дорогу, он сказал:

– Вперед!

И гонка началась. Она бежала намного медленнее него, утомленная долгим дневным переходом. Да и раны последних недель давали о себе знать. Но темпа старалась не сбавлять. До леса было чуть меньше, чем полверсты и Маша надеялась, что ей хватит сил добраться.

На пути вырисовывался тракт. Не слишком широкий, в два круга коня, не больше. Его припорошило снегом, но были видны свежие следы от конских подков, что вели прочь из города. Возможно, всадники проехали здесь совсем недавно.

Дикарь мотал головой, словно сова, выискивая возможную угрозу. Он пропустил девочку вперед, прикрикнув: «Беги до леса!», и аккуратно замел следы их выхода на дорогу, закидав снегом протоптанные сугробы. Он нагнал Маню у леса и жестом велел следовать за собой. Впереди их ждала укрытая белой шапкой гора.

Ночь крови и огня

Подъем отнял порядочно времени. Уже почти стемнело. На небе появился белый диск луны Плеи и осветил гору тусклым светом. За ней, словно старший брат за непослушной сестрой, спешил Морей. Эта парочка вечно гналась друг за другом, иногда то пропадая с ночного неба на несколько дней, то появляясь во всей красе.

Суйдей взобрался на удобный для наблюдения утес и поднял девочку за загривок. Оковы на нее он так и не одел, за что девочка была очень благодарна ему. Со свободными руками Маня стала более подвижна, но о побеге даже не думала. Остаться одной в незнакомом краю ей не хотелось.

Воин тем временем улегся на живот, и стал что-то высматривать у подножья горы. Маня подползла поближе и увидела объект его наблюдений. То был город Небославль. Он располагался в своеобразной пади между двумя горами, впиваясь в скалы высокой каменной крепостью с окруженным стеной двориком. По центру крепости возвышалась башня с площадкой для лучников и бойницами. Там же реял зеленый стяг Родии с золотым медведем. Между башенками поменьше, утыканными узенькими арочными оконцами, раскинулась внушительная крепостная стена. Ниже по склону примостился небольшой городок. Узкие улочки змейками разделяли старые избы и высокие терема. В центре селения, облепленном домами пониже, стояло причудливое здание в форме перевернутой ладьи. Оно казалось самым большим и красочным в округе. Его стены были увешаны разноцветными флажками и стягами, округлыми щитами с изображениями гербов, и вереницей факелов, ярко освещавших улицу. С крыши здания расходились во все стороны длинные нити, тоже украшенные цветастыми тряпочками. Границу поселения окружал высокий частокол из старых почерневших бревен с двумя широкими воротами.

Город находился в особенном месте. Первые, самые охраняемые ворота отрезали проход через горы, а вторые вели к спуску в долину, в сердце Родии. Между ними протянулась широкая дорога из вкопанных бревен. Завладев этим городом, Орда сможет спокойно продолжить свою войну, имея возможность отступить в труднодоступную крепость.

По улицам в спешке передвигались люди. Мирные жители спешили укрыться за стенами. Одни несли ценные вещи, другие тащили за руку детей, то и дело оглядываясь, словно за ними идет погоня. Даже отсюда были слышны встревоженные голоса, женский плач, лай брошенных собак и сдавленные крики зажатых в давке у ворот бедолаг. Все готовились к скорой атаке дикарей. Воины в желтых и зеленых стеганках и длинных кольчугах, с копьями наперевес бежали в сторону частокола. Бряцанье стали вливалось в общую какофонию и создавало зловещую музыку.

Суйдей порылся в мешке и извлек странное устройство из металлической проволоки в форме цилиндра. Рассыпав перед собой маленькие стекляшки, он принялся по очереди представлять их по всей длине изделия, пока не остался доволен результатом. Маня с любопытством изучала эти причудливые прозрачные глазки. Они отличались формами и размерами, одни широкие и пузатые, другие крохотные и тоненькие.

Следопыт поднял маску и приложил трубку к глазу, водя ею туда-сюда по территории города. Он внимательно изучил крепостную стену и оборонительные укрытия. Следом бегом прошелся по конюшням и складским помещениям, выстроенным вдоль частокола, и надолго остановился на перевернутой ладье. Повернувшись к Мане, он передал ей трубку:

– Это увеличительные стекла. Внимательно посмотри на центральное здание. Запомни, где расположены входы и окна.

Маня кивнула и приняла в руки причудливое устройство. Подражая воину, она зажмурила один глаз, а вторым уставилась в трубку. На ее измученном лице заиграла улыбка.

Несмотря на изрядную потертость стекляшек, мир словно вырос в размерах. Теперь она могла отчетливо видеть гербы на флагах, тени людей в маленьких круглых окнах лады, и даже вооружение солдат, выходявших из дома. Оббежав строение взглядом, она отметила, что выход был только один, а в узенькие оконца даже она с трудом бы пролезла.

– Я слышал рассказы о том, как ты встречалась с Посланником. Он убивал и за меньшую дерзость, – ухмыльнулся Суйдей. – Вождь решил дать тебе шанс, и я советую им воспользоваться. К утру эта крепость падет.

Маня отложила трубку и повернулась лицом к нему. Он ткнул пальцем в сторону необычного здания:

– Это – моя цель. Дом, полный военачальников, которые будут руководить обороной. От крепости до частокола далеко, поэтому они заняли городской центр, чтобы быстрее реагировать на изменения боя.

– Твоя задача устранить их одним ударом, хозяин! – озарило девочку. – Запри двери, подожги дом, и вся защита останется без мудрых правителей!

Воин тихо рассмеялся:

– Ты догадлива, соплячка! Из тебя и правда выйдет толк.

– Но зачем вам я, хозяин? Какой от меня толк может быть в битве? Вы что-то придумали?

– Так и есть. Я могу выполнить свою задачу прямо отсюда, – он скинул с плеча лук, – но тебя решено испытать. Вождь увидел твой пламенный нрав, и хочет разжечь его. И теперь от тебя зависит, позволишь ли ты вспыхнуть своим талантам ярким огнем, или уже к утру сгоришь вместе с этим жалким городом.

Суйдей вновь запустил руку в мешок, достал укутанную в тряпье глиняную флягу с деревянной пробкой и поставил ее перед девочкой. Та, с замиранием сердца, наблюдала. Он извлек из кармана куртки старое огниво и спросил:

– Умеешь разводить костры, девка?

– Да, хозяин, я много лет топила печь в доме.

– Сойдет. Значит, пользоваться этим умеешь. Сейчас мы спустимся в долину, и я доведу тебя поближе к вратам. Твоя задача попасть в город. Меня не волнует как. Ты проберешься к городскому центру и спрячешься. Вскоре начнется битва. Войска придут через пару часов. Еще час уйдет на построение. Времени у тебя достаточно.

Маня кивала, вслушиваясь в каждое слово.

– Перед началом атаки запоем наш рог. Ты не перепутаешь ни с чем, когда услышишь. Сразу после ты должна взять этот кувшин, облить его содержимым выходы из этого здания, и поджечь.

Маня сунула огниво в карман тулупа и потянулась к кувшину. Воин резко остановил ее:

– Подожди, соплячка. Внутри – горячая жидкость. Такая фляга может воспламениться и от простого падения. Если не хочешь сгореть в страшных муках, раньше времени, не разбей его. Неси под одеждой, или за пазухой. Как все сделаешь, спрячься. Я найду тебя.

Подготовившись, хозяин и рабыня спустились с горы и быстро миновали рощу. Пройдя немного по тракту, они увидели привратные огни.

– Иди. И помни, я тебя вижу, – он небрежно накинул маску и подтолкнул девочку вперед.

Не оглядываясь, Маня засеменила по неровной дороге. Ватные ноги едва слушались. Сердце от волнения было готово выскочить из груди. Кувшин со смертоносной жидкостью притаился под одеждой. Она плотнее прижала руку, дабы ненароком не выронить его, и ускорила шаг. Ей предстояло пойти на убийство ни в чем неповинных людей. На нее накатывал леденящий ужас. Глаза словно остекленели. Уши заложило. Маня не понимала, зачем ей это делать. Почему не предупредить защитников города?

Она замедлила шаг и встала как вкопанная. Бросить все. Бежать. Прочь отсюда. Но куда? В снежной пустыне ее ждет смерть. Она вспомнила слова Суйдея. Либо она помогает, либо ее убьют вместе со всеми жителями.

Погруженная в мрачные мысли, девочка тронулась с места и незаметно добрела до врат. Почерневший от времени частокол нависал над трактом. Поверх него были перекинuty несколько зеленых стягов с золотым медведем. Подходы освещались тусклыми лампами, едва отгонявшими ночную дымку.

Сверху донесся мужской голос:

– Стоять! Кто идет?

Маня рассеянно подняла голову, лоя ртом воздух. Она не знала что сказать. Раскатистый страх сковал ее мысли.

– П...помогите мне... – выдавила она из себя.

– Старшина! Здесь девочка у ворот! – крикнул за стеной часовой.

Послышался отдаленный топот и к нему присоединился еще один воин.

– И правда, девочка! – удивился он. Его голос был добр, но могуч, как медвежий рык. – Козьма! Отворяй врата, впустим ее!

Раздался треск отпираемых засовов и сдвигаемых подпорок. Врата слегка приоткрылись, и девочка устремилась внутрь города. На входе ее встретили несколько воителей. Укутанные в кольчуги и кожаные сыромятки, они опустили копья к земле и изучали свою гостью. Тот, что с медвежьим голосом, снова заговорил:

– Приветствую, дитя! Ты прибыла в небославль. Откуда ты взялась?

– Я...я из хутора, – тихонько ответила Маня, – Они...они сожгли его. Убили всех. Мою бабушку... Ярика...

Слезы брызнули из глаз. Ее окружали добрые честные люди, готовые протянуть ей руку помощи, а она принесла к ним в дом предательство.

– Микулка! Отведи девочку в крепость, пусть ее накормят и обогреют!

– Есть, старшина! – отсалютовал один из воинов, молоденький рыжеволосый парень с оттопыренными ушами, и поманил ее за собой. – Не бойся! Ступай за мной!

Он обернулся и пошел вдоль частокола в сторону города.

– Не задерживайся, Микула, иначе получишь по шее! – окрикнул его старшина.

Паренек махнул ему рукой и кривовато улыбнулся девочке:

– Да не бойся уже, говорю я тебе. небославль необычный город! Раньше тут был монастырь в честь Поднебесных, но потом вокруг монастыря вознесли крепость, – судачил он, топая по узкой улочке. – Мы сейчас на самой границе нашего государства, Родии. Дальше врат – только дикари.

Он осекся и обернулся к девочке:

– Ой, ну то есть, ну... ты понимаешь. Там нет городов и великих государей. А здесь полно знатных воинов, богатырей! Их, правда, сослали из столицы за разные...неподобающие деяния. Но никакая армия нам не помеха. Мы ведь знаем, что они идут! Точно говорю, бояться нечего.

Он все болтал, уводя ее вглубь города. Но Маня не слушала. Она напряженно думала, как поступить. Предупредить их? Но какой смысл? Они и так ждут атаки и готовятся к ней.

На улицы опустилась зловещее безмолвие. Затишье перед бурей. Мирных жителей успели укрыть за каменными стенами крепости. Основной гарнизон собрался для защиты частокола. Редкие группы солдат подтягивались к вратам, нервно предвкушая скорую битву. Маня заметила, что среди горных утесов, нависших над вратами, протянулись канатные мосты и деревянные бойницы. Там уже несли стражу воины с луками. Подле них колыхались огни жаровен. Они думают, что готовы. Но они не знают, что их ждет.

«Деревянный забор прогорит за считанные минуты, когда придет Посланник», – думала девочка. – «От его огня ничего не укроется».

Она видела, на что тот способен. Ярость, сметающая на своем пути любые преграды. Теперь эта угроза представлялась обширнее, чем раньше. Да и размеры воинства Орды явно превосходили числом горстку защитников города.

Гарнизону не выстоять. Все защитники обречены. Они сгорят, оставив после себя бесформенные кучи. Или станут рабами и будут мыть ноги своим захватчикам. Их погонят дальше, заставят сражаться со своим же народом. Я не в силах им помочь. Они падут и я вместе с ними. Стоит мне помочь им, и для меня все кончится. Ищейка следит с горы за мной в свою трубку. Мне придется сделать это. Я должна выжить. Я не умру сегодня. Только не так. Ярик, Выюнок, его папа, бабушка. Я не позволю, чтобы они погибли зря. Я буду помнить их, и ненавидеть своих захватчиков. Я стану лучше, чем они.

Она плакала. Слезы текли по замерзшим щекам. Но то были не всхлипы испуганной девочки. Это слезы человека, который принял трудное решение.

Маня решила.

Болтливый стражник не заметил, как она мышкой шмыгнула в узкий проулок между домами и затерялась в тени. Дождавшись его ухода, она не спеша направилась в сторону городского центра. Настороженно оглядываясь, Маня перебежками пересекала широкие улицы, скрываясь за телегами и бочками. Избы глядели вслед темными глазницами окон. Опустевший город дарил странное ощущение тревоги. Он был словно животное, готовящееся к длинному прыжку в пылающую пропасть.

Пропустив перед собой отряд солдат, бежавших из крепости, Маня судорожно выдохнула, едва не попавшись им. Ползком по грязному снегу, она пробралась мимо привязи для лошадей и скрылась под лестницей одного из домов.

Мимо прошествовали мужчины. Воины, спорившие с каким-то гнусавым стариком.

– Это не просто варварский набег, воевода! – хрипел старик.

– Брехня! Эти варвары зазнались, их слишком давно никто не бил, – равнодушно ответил первый мужчина.

Его поддержал второй воин, склизким, срывающимся на писк голосом:

– Да! Уж откуда-откуда, но с востока нам нечего опасаться врагов! Там нет никого, кроме отщепенцев, живущих в брошенных деревнях.

– Вы не понимаете? У кого-то хватило сил организовать их для похода аж до стен Родии! – сокрушенно воскликнул старик. – Пред нами стоит могучий враг, о котором мы совершенно ничего не знаем. Пошлите гонца, воевода, предупредите столицу!

Троица свернула за поворот, и Маня смогла продолжить путь. Перепачканная, она вылезла из-под лестницы и пробежала по свободной улице до городского центра. Вблизи он выглядел не так красочно, как с горной высоты.

Стены этой перевернутой ладьи были заплеваны и закиданы грязью. Праздничные разноцветные флажки понуро обвисли под тонкой ледяной коркой. Круглые щиты с гербами прибили тяп-ляп, неровным строем, словно наспех. Из окон доносился гул разговоров. Кто-то активно спорил, сотрясая воздух гневной бранью.

Маня обошла здание по кругу и убедилась, что выход из него был только один. Тот самый, который сейчас охраняло двое стражников. Облаченные в желтоватого цвета шубы, в руках они держали короткие копыя, да и вообще своим видом отличались от остальных защитников. Судя по всему, уходить отсюда они не намеревались. Она укрылась за тюками с сеном, за углом соседнего дома и стала наблюдать за своей целью.

Маня чувствовала затылком злобный взгляд Суйдея. Он буквально скользил по крышам, высматривал свою собственность, свою невольницу. Он ждал ее действий, оценивал. Девочке

было не по себе. Она снова засомневалась в своем выборе. Ее поймают! Они заметят и убьют ее! Но если она не сделает того, что ей поручили, ее тоже убьют.

– Нужно их как-то отвлечь, – прошептала Маня, немного успокоившись.

Как бы поступил Ярик в такой ситуации? Ее друг, несмотря на возраст, нашел бы выход! Он всегда мог сочинить что-нибудь эдакое. Девочка поняла. Раньше она считала, что его отец вечно придумывал для сына самые неприятные обязанности, потому, что не любил его. Но теперь Маня осознала, что эти ежедневные странные задания служили одной цели – научить мальчика быть сильным. И ей нужно стать такой же сильной. Прямо сейчас.

Воодушевившись, Маня поняла, как поступить. Она наблюдала за входом, в ожидании прибытия Воинства Пекла. Атака станет ее шансом. Действовать придется быстро.

Ее мысли прервал шум открывающихся дверей. Из городского центра вышел тощий старик. Он гневно сжимал кулаки и сыпал проклятья себе под нос. Полы его длинной ярко-белой мантии были перепачканы грязным снегом. Через плечо висела сумка, из которой торчали свитки и перья. Лысая голова, обрамленная белоснежной бородой, отражала свет факелов.

– Воевода, ты глупец! Ты обрекаешь на гибель не только этот город, но и всю Родию! Я не дам тебе этого сделать!

Истошно бранясь, он прошествовал в сторону крепости мимо укрытия девочки, не заметив ее. Мане показалось, что из его глаз сыпались настоящие искры, настолько он был зол.

Минуты ожидания тянулись медленно-медленно. Ноги затекли, хотелось встать. Или лечь. Или переместиться на одну из лун, подальше от этого безумия. Солдаты у дверей тоже устали. Они начали вполголоса переговариваться, кидая друг другу нервные смешки и елозя руками по оружию.

Лунные диски поднялись высоко над землей, затмив светом бледное сияние дальних звезд.

Ветер затих. Стяг на крепостной башне повис, уныло взирая на город. Слышался лишь треск пламени факелов. А потом...

Бом...

Бом... Бом...

Били барабаны.

Бом...

Бом... Бом...

Били все ближе и ближе.

Топот тысяч марширующих солдат был слышен даже здесь. Он вторил ударам барабана. Войско прибыло. Оно готовилось к атаке. В бой шла не орда простых дикарей и мародеров. То была тренированная армия, готовая противостоять опытному противнику. Из-за горы послышался дикий вопль.

Маня приготовилась. Сейчас начнется.

Двери ладьи распахнулись. На улицу вылетел юноша, едва старше Мани. Должно быть, вестник с приказами. Он побежал в сторону передовой со свитками и бумагами в руках. Скоро множество таких же гонцов устремится обратно. Нужно действовать.

Ночную тьму пронзил долгий сигнал боевого горна. Его душераздирающий вой был подобен демону, рвущемуся сквозь земную твердь наружу. Клич подхватили тысячи таких же. Битва началась.

Маня чиркнула огнем, поджигая тюки сена, и во весь дух побежала к стражникам у дверей, вереща что есть силы:

– Помогите! Помогите!

– Дура! Беги в крепость, на нас напали! – кинулся к ней наперерез один из воинов. Он схватил ее за плечи и потащил в сторону горы.

– Вы не понимаете! – кричала девочка. – Они здесь! За теми домами!

Воин изумленно сдвинул шлем на макушку, увидев пожар, занявшийся у соседних домов.

– Гриня! Пойдем, проверим! Найди укрытие, малявка!

Оба стражника устремились в сторону горящего сена с копьями на изготовку.

«Вот мой шанс!» – подумала девочка и лихорадочно достала из-за пазухи заветный кувшин. Зубами она откупорила пробку и осторожно облила двери горючей жидкостью. Едкий тошнотворный запах ударил в ноздри, дыхание пересекло. Маня прошла по всей двери, докуда смогла достать, не оставив сухого места. Ее колотило от возбуждения. Бросив горшок рядом, она начала чиркать огнем.

Одна из искр попала на мокрую дверь. Та разом вспыхнула. Да с такой силой, что девочку отбросило в сугроб. Запахло жжеными волосами. Синее обжигающее пламя разверзлось над домом, быстро обволакивало его стены, крышу, прожигало дерево прямо на глазах. Маня испуганно попятилась, опасаясь утонуть в этом чудовищном мареве. Она не сразу поняла, что ничего не слышит. В ушах стоял дикий звон.

Маня встала на ноги и поспешила найти себе укрытие, побежав дальше по улице. Звон не стихал, но до нее начинали доноситься обрывки происходящей вокруг вакханалии. Крики горящих людей, возгласы стражников и вестников, спешивших к городскому центру, треск огня, шум битвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.